

ФАНТАСТИКА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ДЕНИС МОРОЗОВ

RATTUS SAPIENS
или
КРЫСА РАЗУМНАЯ

Денис Владимирович Морозов
Rattus Sapiens, или
Крыса Разумная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29849424

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-03238-5

Аннотация

Человеческая цивилизация исчезла. Место людей заняли разумные крысы. Молодого крысенка Тихоню инквизиция приговаривает к казни за разговоры о загадочных Предках, живших задолго до Крысы Разумной. Его подругу Белянку отдают в гарем олигарху Гнилозубу. Крысиный город содрогается от подземных толчков: землю трясет дракон, охвативший сушу гигантским хвостом. Тихоня с Белянкой сбегают, чтобы спастись и отыскать драгоценное морское стекло. Однако их уже поджидают пираты, жаждущие наживы, а дракон рыщет в подводных глубинах, выискивая добычу... Фантастика и приключения для старшего школьного возраста.

Содержание

Глава 1. Тихоня, атас!	4
Глава 2. Пиратская гавань	34
Глава 3. Дикий остров	70
Глава 4. Дымчатая рысь	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Денис Морозов

Rattus Sapiens, или Крыса Разумная

Глава 1. Тихоня, атас!

– Тихоня, атас! – пронзительно заверещали студенты.

Огромный стражник в медной кирасе схватил Тихоскока за воротник университетской мантии и сорвал с его шеи талисман, на одной стороне которого блестел серебряный лик луны, а на другой – золотистый лик солнца.

– Сила дня, сила ночи! – закричал молодой крысенок. – Верни мою «Силу светил»! Она хранит меня с детства!

Стражник расхохотался, швырнул талисман на мраморный пол Дворца правосудия и издевательски придавил его пяткой. Толпа студентов возмущенно загомонила, но охрана тут же оттеснила ее к стене. Тихоскока подхватили подмышки и поволокли в зал заседаний, где уже собралась инквизиция во главе с епископом Крысиного гнезда.

Молодой крысенок ужасно боялся. Его серая шерстка вставала дыбом. Голый хвост нервно метался из стороны в сторону, а длинные усики шевелились, выдавая волнение.

Острый нос с черной бусинкой на конце вытягивался, как будто стараясь почуять, откуда исходит опасность.

Он выхватил из толпы провожающих лицо своего наставника, пожилого профессора Гладкошерста, и чуть-чуть успокоился: ученое общество должно встать за него горой.

– Пусть этот судебный процесс превратится в торжество разума над суеверием! – крикнул он профессору. – Пусть городские законы возьмут верх над прихотью инквизиции!

Однако в глубине души он знал, что все будет совсем по-другому. Город второй год подряд страдал от неурожая. Ячмень и пшеница сильно подорожали, и горожане не знали, на ком сорвать раздражение. Селянам нечего было сеять, и они требовали, чтобы им объяснили, за что Восемь Мудрых Крыс так разгневались, и когда их ярость угаснет.

Председательствовал на суде сам епископ Мурöver. Он был облачен в лиловую сутану, подвязанную широким поясом. Рядом с его столом возвышался посох, увенчанный серебряной головой Мудрой Крысы, разинувшей пасть.

Стражники грубо затолкали Тихоскока в бамбуковую клетку. Он уселся на жесткую скамью и просунул горячий нос между толстых прутьев. В зале пахло расплавленным сургучом и прелой кожей, из которой шили доспехи для стражи. Епископ нетерпеливо поерзал в высоком кресле и скрипучим голосом спросил:

– Подсудимый, когда вы начали сомневаться в божественном происхождении Крысы Разумной?

– Когда мне стало ясно, что мы не первые обитатели на земле, – проговорил Тихоскок.

Он старался держаться с достоинством, хотя пляшущий из стороны в сторону хвост выдавал сильное волнение.

– Время от времени море выносит на берег морское стекло. Оно дорого стоит, и богатые дамочки носят его, как редкое украшение. Но природа не могла создать такую хрупкую красоту! Это искусственный материал. И он создан руками существ, живших задолго до нас!

Зал зашумел. Профессора, диссертанты, студенты – все пришли в замешательство. Раздались выкрики с мест – и восхищенные, и негодующие. Секретарь заскрипел гусиным пером, записывая показания.

– И что, они тоже были разумны, как мы? – с сарказмом спросил епископ. – У них тоже была душа? Они умели любить и смеяться, они строили города и плавали на кораблях?

– Я не знаю, – признался обвиняемый. – Но мне хотелось бы это узнать. Я перерыл всю библиотеку. В Книге Судеб сохранились легенды, дошедшие из глубины веков. В них говорится, что в прежние времена землю населяли могучие великаны. Они строили здания, вершины которых царапали облака. Они летали по небу, как птицы.

– По небу летают лишь крылатые демоны! – возмущенно пролаял епископ. – А настоящие божества живут под землей, в глубоких норах. Книга Судеб – грязная ересь, ее давно пора сжечь!

– Извините, ваше святейшество, – возразил профессор Гладкошерст, – но в университете не принято жечь книг. Они – ценный источник для изучения, из которого следует извлекать рациональное зерно.

– Нет в них никакого зерна! – зашелся епископ от ярости. Его упругий хвост заходил ходуном, сметая с пола табуретки и треножки с цветочными вазами.

– Зерно растет в поле, а не в вашей библиотеке, – продолжал визжать он, брызгая слюной. – Ваш университет давно пора прикрыть. Он превратился в рассадник ереси и неуважения к старшим.

– Вовсе нет! – громко возразил Тихоскок, высовывая мордочку сквозь бамбуковые прутья клетки. – Нас учат почитать ученых прежних времен, совершавших подвиги ради науки. Учителя древности подают нам пример светлой мысли и храброго духа – лучших качеств, которыми отличается вид *Rattus Sapiens*, Крысы Разумной.

По залу прокатилась буря аплодисментов. Студенты срывали с голов квадратные шапочки с кисточками и бросали их в воздух. Негодующие возгласы со всех сторон посыпались на инквизиторов. Епископ зазвонил в колокольчик и громко потребовал:

– Тишина! Подсудимый даже не думает скрывать своих кощунственных заблуждений. Разве вы не знаете старинного предания, сохраненного для нас Книгой Мудрых?

И Мурöver заговорил нараспев, размахивая широкими

рукавами лиловой сутаны:

– Давным-давно Землю населяли ужасные колдуны. Сила их колдовства была так велика, что никто во всем мире не мог перед ней устоять. Они ненавидели крыс и травили их всеми возможными средствами. Злоба их дошла до того, что весь род крысиный они грозились уничтожить под корень.

Но Восемь Мудрых Крыс встали стеной, чтобы защитить свое потомство. Они обрушили на врагов силы стихий. Земля заходила ходуном, небеса разверзлись, и на головы демонов рухнули заоблачные воды. И колдуны утонули. Их крепости стерлись с лица земли, их города погрузились в пучину.

Однако не все великаны сгинули без следа. Где-то в морской глубине до сих пор сохранились руины их древней столицы. В ней бродит дух Великого Крысолова. Он томится в неволе и мечтает вырваться на свободу. Если он обретет плоть и кровь, то устроит Глобальную Дератизацию, и тогда ни одна крыса не укроется от его дикой ярости.

Помогать ему может лишь отчаянный безумец. Но если даже такой и найдется, то я объявлю его пособником Лютого Дьявола, прокляну и приговорю к самой безжалостной казни. Подсудимый, недоучившийся бакалавр Тихоскок, заявляет, что хочет найти город предков. Я объявляю его виновным в пособничестве Сатане. Коллегия инквизиторов постановляет утопить его на Глубоководье, в Темной бездне, и пусть любой, кто помыслит о помощи Дьяволу, отправится

вслед за ним!

И в знак своей власти епископ гулко стукнул по полу посохом с серебряной головой. Присутствующие опять зашумели, на этот раз испуганно и приглушенно.

– Позвольте за него заступиться! – возвысил голос профессор.

Декан состроил испуганное лицо и принялся ожесточенно размахивать руками, давая знак, чтобы тот замолчал. Но Гладкошерст не обратил на него внимания.

– В науке принято доказывать свою правоту. Провинившийся имеет право на отсрочку. Пусть он представит нам доказательства. Если он окажется прав, то его следует оправдать. Если нет – то приговор будет приведен в исполнение.

Епископ посоветовался с коллегами.

– Священный совет дает осужденному отсрочку на одну ночь, не считая сегодняшней, – провозгласил он. – По окончании этого срока он должен представить неопровержимые доказательства своей теории. А до тех пор приговаривается к изгнанию, и если его хвост хоть раз мелькнет внутри Города – то он будет казнен на месте!

И он поднялся из-за стола, давая знать, что заседание окончено. Собравшиеся принялись расходиться. Тихоскок оказался в пустоте – никто не решался к нему подойти, никто не осмеливался сказать ему слова. Когда он направился к двери, все шарахнулись в стороны, как от больного мышинной лихорадкой. И лишь пожилой профессор не побоялся

приблизиться и обнять его.

– Что вы? Зачем так? Они же увидят, – смущаясь, проговорил ученик.

– Я не боюсь этих облезлых котов, – ответил учитель. – В мои годы робеть уже поздно.

Гладкошерст протянул ему круглый талисман, на одной стороне которого был изображен серебряный лик луны, а на другой – золотистый лик солнца.

– Сила дня, сила ночи! – обрадовался Тихоскок. – Я выронил его, когда меня волокли на судилище.

Он склонил голову, и профессор надел цепочку ему на шею. И тут же Тихоскок ощутил, как кто-то нежно дотронулся до его ладони. Он поднял глаза. На него печально смотрела Белянка. В ее карих глазках виднелись капельки слез. Белая шерстка на голове была уложена в модную прическу. Белянка была альбиносской, из-за чего по ней сходила с ума вся студенческая общага.

– Тихоня, мне так тебя жаль! – дрожащим голосом проговорила она.

– Подожди, меня еще рано жалеть! – расхрабрившись, заверил он. – У меня есть целые сутки. А в рукаве припрятан козырь, о котором они не знают.

– Какой у тебя может быть козырь? – грустно улыбнулся профессор.

– Вы самые близкие мне существа, поэтому вам я откроюсь, – с жаром заговорил Тихоскок. – Я два года просидел в

библиотеке и видел там чертежи старых мастеров. Они проектировали подводный колпак, с помощью которого можно погружаться на морское дно. Я уже сделал несколько опытных образцов для морехода по имени Ветрогон. Мы нырнем в пучину и добудем морское стекло. И я докажу, что его сделали Древние Предки.

– Никаких предков нет, это миф! – сказала Белянка и погладила его по плечу.

– Это Восемь Мудрых Крыс в подземном царстве – миф! – рассердился Тихоскок.

– Тише, ты что? – испуганно огляделся профессор. – Не святотатствуй. Вдруг нас услышат?

Но слышать их было некому – никто не хотел приближаться.

Пожилой профессор отправился домой. Он неспешно шагнул по длинному коридору мимо мраморных статуй Восемь Мудрых Крыс. Его ноги болели и плохо сгибались, отчего каблуки стертых туфель громко стучали по паркету. Голый хвост выглядывал из-под мантии и мел половицы у него за спиной, а очки на носу сверкали в лучах заходящего солнца, отпугивая притихших студентов. Тихоскок и Белянка посмотрели ему вслед.

Теплая летняя ночь уже окутала Крысиное гнездо. Сияющая луна выкатилась на небосвод и заливала улицы призрачным светом. Народ оживился и высыпал наружу, отовсюду

раздавались веселые пiski и цокот коготков, царапающих мостовые. Белянка игриво взяла друга за руку и повела на центральную площадь.

– А у меня сегодня последняя ночь вольной жизни, – сообщила она. – Меня отдадут в гарем магистру Гнилозубу. Он очень богат, хотя и немолод. В его гареме уже двенадцать жен, я буду тринадцатой.

Тихоскок сжался и взглянул на нее. Она была такой юной, такой прелестной! Ее упругий хвостик игриво вилял из стороны в сторону. Глазки, похожие на коричневые бусины, живо стреляли в прохожих. Гладко расчесанная шерстка была такой мягкой, что пальцы сами тянулись погладить ее. Он вздохнул, но вслух сказал только:

– Магистр Гнилозуб – один из отцов нашего Города. В его гарем мечтают попасть девушки из лучших семей. Наверное, ты будешь счастлива.

– Вот еще! – обиженно надулась Белянка. – Он такой строгий! И такой ревнивый. Говорят, что своих жен он не выпускает из келий. А зачем я училась? Чтобы меня заперли на всю жизнь? Я хочу путешествовать! Хочу видеть мир! И это ты называешь счастьем?

– Если б я только мог тебе помочь! Но я сам превратился в изгоя.

– А знаешь что? – глазки Белянки игриво забегали. – Будь моим дружкой на обряде Целомудрия. Это еще не свадьба, но мне покажут будущую келью, а няньки жениха осмотрят

меня и удостоверят, что я гожусь в жены. Я хочу, чтобы со мной был кто-нибудь из друзей. Мне так нужна твоя поддержка!

Магистр Гнилозуб чувствовал себя очень больным. Его мучала одышка, а с утра разболелось колено, которому трудно было выдерживать вес его пухлой тушки. Дворецкий Долгопят принес стаканчик мятной настойки, но целебное средство не помогло, от него только начало урчать в животе. Вдобавок, явилась старшая жена и заявила, что не потерпит этой молоденькой альбиноски по соседству, и потребовала отселить ее в самую дальнюю нору.

Кряхтя, Гнилозуб поднялся с кресла, из которого обозревал рыночную площадь и расположенную напротив ратушу. Пора было выходить на обряд целомудрия. Он рассмотрел отображение своей постной физиономии в медном подносе и сверкнул золотой коронкой, прикрывавшей дырку от выдранного зуба. Шерсть на боках еще с ночи стояла торчком, и он позвал дворецкого, чтобы тот расчесал его.

На площади уже толпился народ. Поздравить магистра пришла целая свора прихлебателей и лизоблюдов. Они дружно заголосили, едва он показался в широком окне своего кабинета. Невесту под белым покрывалом уже подвели к ступеням.

Увидев ее, Гнилозуб сразу забыл про свои печали. Молодая крысодева выглядела чудесно! Гладкая белая шерстка,

изящные изгибы бедер, безупречная фигурка и тонкие коготки, торчащие из-под накладки – все было безупречно.

Он вспомнил свою первую любовь, которой давно уже не было на свете. Она была совсем не такой! Ее темная шерсть казалась почти черной под волшебным сиянием луны. Она была живой и игривой, и заливисто хохотала, когда сбегала из дома и бродила с ним до рассвета. Он был тогда молод и беден, у него не было своей норы, и ему нечем было заплатить за невесту выкуп. Поэтому ее отдали за другого – зажиточного купчишку, собиравшего урожай у селян. А он поклялся, что разбогатеет любой ценой и никогда больше не позволит отнять у себя то, что ему хочется больше всего.

Проходили годы, он становился все ближе к своей цели. В его сундуках начали звенеть деньги – сначала серебряные, потом золотые. Он успел побывать торговцем, уличным старостой, судьей, и в конце концов стал магистром и членом городского правления. У него было много жен: они все были красивыми и все из хороших семей. Но ни разу с тех пор он не испытывал такого упоения от любви, как тогда, в самые юные годы. И самое большее, чего он желал теперь, на склоне лет – вернуть то ощущение радости, которая приносила ему когда-то любовь.

Долгопят помог застегнуть камзол из мягкого бархата, нахлобучил на хозяина пышный парик, аккуратно водрузил сверху широкополую шляпу с пушистым лисьим хвостом, а в довершение всего торжественно поднес длинную острую

шпагу. Гнилозуб бережно взял ее в ладони. Шпага представляла собой настоящее произведение кузнечного искусства. Магистр получил ее в подарок от заморского князя, с которым вел торговые дела. Идеально сбалансированный трехгранный клинок имел в разрезе форму сердечка, а в рукоять был вставлен большой кусок зеленого стекла, поражавший внутренней чистотой и незамутненностью. Шпага эта стояла целого состояния и даже имела собственное имя – «Блиставица», что значило: быстрая, как молния.

Долгопят подвесил это дорогое оружие к поясу своего господина и любовно поправил его. Шпага придавала хозяину одновременно воинственный и роскошный вид.

Звеня клинком о мраморные ступени, Гнилозуб чинно вышел на крыльцо. Его уже поджидали бургомистр в парадной одежде и епископ Муровер с церемониальной лопатой, предназначенной для рытья семейной норы.

Двое сановников подвели к магистру невесту. Ее лица не было видно под плотной белой тканью. Гнилозубу вдруг так захотелось поделиться со всеми ощущением триумфа, показать всем: смотрите, эта редкая красавица – моя! Потому что я – первый и самый богатый. Самый влиятельный и многовластный. Я получаю все, что хочу. Никто не может со мной соперничать, потому что я – Гнилозуб, член городского совета, магистр и олигарх!

Он подошел к ней и резко сорвал покрывало с ее головы. Все вокруг ахнули. Показывать невесту до свадьбы было

неслыханным нарушением обычая. Гнилозуб даже смутился – он не ожидал такого ропота от толпы. Однако всеобщее неодобрение лишь еще больше распалило в нем самолюбие.

– Что вы тут ахаете? – закричал он на горожан. – Подумаешь, нарушение правил. Я – член городского совета, и сам решаю, что правильно, а что – нет. Правила будут такими, какие я сочиню!

– Магистр, вы нарушаете обычай! – раздался звонкий, как пощечина, возглас.

Гнилозуб замер и с удивлением взгляделся в толпу. Он не привык, чтобы ему перечили. К его невесте подбежал нахальный студент в академической мантии с дурацкой четырехугольной шапочкой, на которой болталась длинная золотистая кисточка. Карие глаза молодого нахала полыхали от гнева. Длинные усики на его перекошенной мордочке яростно шевелились, а серая шерстка топорщилась.

– А ты что тут делаешь? – удивленно спросил Гнилозуб. – Тебя вообще в городе быть не должно.

Ему стало неловко от того, что какой-то молокосос позорит его на глазах епископа, бургомистра, и всех самых влиятельных обывателей.

– Не смейте срывать покрывало с невесты при честной публике! – продолжал верещать хулиган. – И вообще, отпустите ее подбру-поздорову. Мало вам, что ли, наложниц в гареме?

– Ах ты, дрыщ! – рассердился Гнилозуб. – Да тебя вооб-

ще должны утопить в Темной бездне, если только твой нос мелькнет в городе после рассвета. Стража, взять его!

Твердолоб, начальник караульной службы, бросился исполнять приказ. Однако толпа студентов встала стеной на его пути, и стражник запутался в охвативших его руках. А дерзкий хулиган тем временем вырвал из ладоней епископа церемониальный черенок от лопаты и изо всех сил двинул им Гнилозуба по боку.

Жирок под бурой шерстью заколыхался волной, причиняя его хозяину немалое страдание. Но еще больше Гнилозуба уязвило то, что это попрание его авторитета происходит у всех на виду. Он не мог допустить, чтобы горожане перестали его уважать и бояться. Выхватив шпагу, он направил ее на Тихоскока и грозно сказал:

– Берегись, ты сам напросился!

Тихоня похолодел. Острие шпаги целило ему прямо в нос. Это было грозное оружие, которое могло лишить жизни в одно мгновение. От страха он резко отпрыгнул в сторону, а затем еще раз огрел магистра черенком, на этот раз по голове. Тот зарычал от злости и сделал резкий выпад. Движение магистра получилось неловким, но грамотным – он мог позволить себе нанимать лучших учителей фехтования. Однако в университете тоже преподавали искусство владения оружием, и делали это знатные мастера. Тихоскок стремительно уклонился, но кончик шпаги все же задел его ухо и проколол тонкую кожу насквозь.

Тихоня почувствовал острую боль. По его голове потекло что-то теплое и липкое. Однако раздумывать было некогда – грузный магистр все еще напирал на него. Шпага была хороша: она как будто сама порхала в воздухе, стремясь уколоть в самое уязвимое место. Вот только владелец ее был слишком толстым и неповоротливым. Это спасло Тихоскока. Он еще раз увернулся и изо всех сил ударил Гнилозуба по руке. Тот ойкнул и выронил шпагу. Оружие ударилось о мостовую и зазвенело. Тихоскок подхватил его и встал в фехтовальную стойку.

Увидев прямо перед лицом клинок, Гнилозуб струсил и попятился назад.

– Не смей на меня нападать! – тонким голоском пискнул он. – Отдай шпагу!

– Еще чего! – насмешливо выкрикнул Тихоскок. – Я ее конфискую. В твоих руках и оружие, и власть служат злу.

– Стража! – отчаянно заголосил Гнилозуб, пугаясь еще больше. – На помощь!

Твердолоб наконец выпутался из рук веселых студентов и загородил хозяина грудью. Его прикрывала медная кираса, которую трудно было пробить. Однако Тихоня и не собирался его колоть. Он подхватил Беянку и потянул ее прочь. Девушка с готовностью бросилась за ним.

– Держите их! Не дайте им уйти! – голосил Гнилозуб.

Однако толпа студентов принялась швырять в него и в охранника булыжниками, вывороченными из мостовой. Под

градом камней им пришлось отступить. А Тихоня с Белянкой нырнули в широкий туннель, который вел с Рыночной площади в студенческий городок, и пропали в его темноте.

– Ой, как больно! – заголосил Тихоскок, когда Белянка приложила к его разодранному уху мокрую марлю.

– Не дергайся! – строго велела она. – Кровь еще хлещет. Нужно ее остановить.

Они очутились в ее каморке под самой крышей университетского общежития. Комнатка была совсем маленькой, но в ней царил уют. Постель в углу была аккуратно заправлена, а на столике в полном порядке расставлены глиняные горшочки с ароматными мазями. В воздухе пахло лечебными травами, сушившимися под потолком.

– Говорили мне, что ты ведьма, да я не верил! – состроил Тихоня страдальческое выражение лица.

– Не ведьма, а ведунья, – ничуть не обидевшись, поправила его девушка. – Сейчас я пошепчу над тобой заговор. А ты не шевелись.

Она склонилась над ним и принялась тихо напевать колдовские слова, одновременно протирая рану пахучим целебным настоем. Тихоня корчил ужасные рожи, но героически старался терпеть и не показывать виду, как ему больно. Однако усики на его серой морде ходили ходуном так красноречиво, что Белянка его пожалела.

– Ну все, все, – ласково произнесла она, глядя его по шер-

стистому боку. – Кровь уже не течет. Но вот ухо уже не срастется. Оно так и останется рваным.

– Чего только не сделаешь ради твоей белой шерстки! – игриво сказал Тихоскок. – И ради рыжего пятнышка у тебя на спине. Оно сводит меня с ума!

Он попытался погладить Белянку по спинке. Та захохотала, но руку его отвела, хотя и не очень решительно.

– Ты так рисковал ради меня! – с чувством произнесла она. – Этот толстый магистр мог тебя заколоть! Ты такой храбрый!

Тихоня приосанился и гордо расправил плечи. По правде говоря, сам он совсем не думал, будто он храбрый. Как раз наоборот – он никогда не совался в бурные драки между студентами и даже не участвовал в шумных попойках, гремевших в общаге каждую пятницу. Друзья даже смеялись над ним за то, что вместо веселых посиделок в пивной он предпочитал забиться в угол темной библиотеки, чтобы найти в ветхой книжке какую-то забытую истину. Однако Белянка смотрела на него с таким восторгом, что он сам начинал в себя верить.

– Как сияет в эфесе этот зеленый камень! – сказала девушка, переводя взгляд на шпагу. – Наверное, он очень дорогой. Гнилозуб сильно рассердится из-за того, что ты отнял у него любимое оружие.

– Еще больше он рассердится из-за того, что я отнял у него тебя, – улыбнувшись, ответил Тихоня.

Белянка приоткрыла комод и извлекла из него синий прозрачный платок из тонкого шелка. Она сбрызнула его ароматными духами и ловко завязала у Тихоскока на шее. Узелок получился похожим на розочку. Тихоня ощупал его и воскликнул:

– Это любовный узелок!

Белянка рассмеялась и отвела глаза. Повязывать «любовный узелок» было давней традицией студенческого городка. Так делали девушки, когда желали признаться, что им нравится парень. С этого момента парень и девушка считались парой.

Тихоня вскочил со стула и попытался обнять ее, но Белянка расхохоталась и увернулась.

Магистр Гнилозуб метался по просторному кабинету, заставленному мебелью из мореного дуба. У стенки стояли, вытянувшись в струнку и не дыша, дворецкий Долгопят в длинной зеленой ливрее с красными отворотами, и начальник охраны Твердолоб в медной кирасе и шлеме. Гнилозуб подбежал к ним, и, свирепо вращая маленькими глазками, заорал:

– Как вы могли допустить, что они унесли свои хвосты? Почему не вцепились в них зубами? Почему не вернули?

Долгопят вжал голову в плечи и попытался прикрыть испуганную морду отворотом ливреи. Твердолоб, наоборот, распрямылся, уставился в потолок и разинул рот, но не на-

шел слов и только беспомощно заглотив воздух.

– Какой-то студент увел у меня невесту! – продолжал орать на них Гнилозуб. – Надо мной теперь весь город будет издеваться! В придачу, он стащил мою шпагу, а она стоит больше, чем ваши дрянные хвосты! Да мне сам бургомистр завидовал, потому что ему никогда ничего похожего не дарили!

– Извините, ваше высокородие! Мы непременно исправимся! – собравшись с духом, пробубнил Твердолоб.

– Не верю! – завизжал Гнилозуб. – Вы, коты драные, со всем мышей ловить перестали! Пущу вас на фарш! Крокодилам скормлю!

Кажется, Долгопят принял эту угрозу всерьез. У него застучали зубы, и он так опустил голову, что лишь один кончик носа остался торчать из ливреи. Твердолоб поскреб когтем медный шлем и через силу выдавил из себя:

– Я сейчас же пошлю стражу арестовать их. Обоих. Возьмем еще тепленькими, не извольте волноваться.

– Я с них шкуру спущу! – с мстительной мечтательностью произнес Гнилозуб. – Прямо на рыночной площади, у всех на виду. И пусть эта чернь зарубит себе на носу: со мной шутки плохи! А если они уйдут – тогда с вас. Выбирайте, кого мне разделать – либо вас, либо их!

Оба прислужника испуганно забормотали невнятные обещания и тут же унесли ноги. А Гнилозуб подошел к окну, оглядел рыночную площадь, заполненную народом, и грозно

прорычал в воздух:

– Только попробуйте мне посмеяться!

Золотая коронка на зубе хищно сверкнула под солнцем – так, что ее можно было увидеть даже из ратуши, возвышавшейся на другом конце площади.

Никогда еще Твердолоб не казался своим подчиненным таким страшным и грозным. Он ожесточенно царапал когтями свою медную кирасу, издавая при этом режущие ухо звуки. На кирасе серебряной нитью по блестящему медному фону было выгравировано изображение городских стен и башни с воротами, перед которыми стояли две крысы в доспехах, скрестившие алебарды. И эта картинка, и сама кираса с ее хозяином были хорошо известны горожанам. Едва заведев ее, они старались убраться подальше и не попадаться на глаза начальнику стражи.

Рядовые охранники насупленно выслушивали его приказы. Обложить со всех сторон студенческий городок. Растряссти студентов и выспросить, где они укрывают преступника с беглой подружкой. Никого не жалеть, на старинный закон, запрещающий страже входить на территорию университета, внимания не обращать. Жалобы игнорировать. Главное – выполнить повеленье Хозяина.

– Что искать в первую очередь – девушку или шпагу? – спросил один из охранников.

– Дурак! – обругал его Твердолоб. – Ищи сразу всех. И

самого преступника не забудь.

– А разве можно заходить на территорию университета? – спросил другой. – Городские власти спокон веку этого не позволяли.

– Плевать на городские власти! – в бешенстве заорал Твердолоб. – Тебя кто кормит – Хозяин или этот жалкий бургомистр? Чую: измена давно уже свила гнездо в этом грязном рассаднике ереси. Ступайте, и покончите с ней одним разом!

Стражники подняли наконечники копий и устремились к студенческому городку. Они неслись по узеньким улочкам, распугивая прохожих и мелких торговцев. Горожане торопились отойти в сторону, чтобы дать им дорогу.

А Тихоскок тем временем наслаждался покоем, вдыхая аромат духов, исходивший от повязанного на его шею платка. Белянка суетилась, укладывая в дорожный рюкзак одежду, сушеные травы и мази.

– Куда мы теперь денемся? – с тревогой спросила она.

– Ты когда-нибудь видела море? – улыбнулся ей Тихоскок.

– Нет!

– А ведь оно совсем рядом.

– Но порядочные горожане не выходят за крепостные стены. За ними столько опасностей! Там водятся змеи, лисы, собаки, крокодилы и дикие кошки. А еще может прилететь страшный коршун.

– Чем же он такой страшный? – с сомнением проговорил

Тихоскок.

– Тем, что главное лакомство для него – крыса! – заявила Белянка.

– Обидно быть чьей-то едой, – проговорил Тихоскок. – Ведь нас еще в школе учили, что *Rattus Sapiens* – вершина биологической эволюции, и что на всей земле нет других существ, наделенных умом и душой. А тут кто-то считает нас лакомством, как будто мы – дичь. Да еще Орден учит, будто на небе обитают крылатые мстители. И стоит только совершить грех – как из-за облаков явится демон в образе хищной птицы и утащит тебя в свой заоблачный ад.

– Заоблачный ад – пустыки! – уверенно заявила Белянка. – Гораздо страшнее – пучина Глубоководья. В ее темной бездне хранятся несметные залежи морского стекла, но их охраняет дракон. Подобраться к сокровищам невозможно – дракон тут же проглотит живьем.

– Ты меня просто пугаешь! Думаешь, я задрожу от твоих страшилок? – рассмеялся Тихоскок.

– Какие же это страшилки? – возразила Белянка. – Об этом мне нянька рассказывала.

Неожиданно пол у них под ногами дрогнул. Глиняные бутылочки и горшочки на полках задребезжали. В соседних комнатах тревожно загомонили соседи.

– Ой! – испуганно сказала Белянка. – Это дракон трясет землю!

– Ну что ты! – расхохотался Тихоскок. – Твоего дракона

никто никогда не видел. По-моему, его просто не существует!

– А почему тогда земля дрожит под ногами? – рассердилась на него Белянка. – Если мы кого-то не видим – это не значит, что его нет. Да и как мы можем увидеть дракона? Он же живет под водой!

– Читал я в старинных книгах, будто в подводном мире обитает морское чудовище. Оно обвилось хвостом вокруг земли и дремлет. А когда просыпается и начинает шевелиться – земля ходит ходуном. Однако я думал, что это легенды. Да и профессор Гладкошерст так считает.

Пол под ногами тряхнуло еще раз. Белянку покачнуло, она ухватилась за стенку и поднесла палец ко рту, давая Тихоскоку знак, чтобы тот замолчал.

– Тише! – испуганно прошептала она. – Не говори так! Дракон услышал тебя и рассердился!

Тихоскок с сомнением покачал головой, однако все же огляделся по сторонам и попытался понять, отчего трясет пол. Профессор Гладкошерст посоветовал бы искать причину у себя под ногами. Но как понять, что происходит с землей? Как заглянуть в ее глубину? Ведь это же невозможно!

В этот миг на лестнице, ведущей в каморку под крышей, раздался тяжелый топот. Сомнений не было: так топталась только стража, одетая в медные кирасы и сверкающие шлемы. Гулкие голоса командиров, раздающих приказы, разлетелись по этажам. Белянка выглянула за дверь и изменилась

в лице.

– Стражники! Они пришли за нами! – бледнея, прошептала она.

Тихоня сорвался с места. Одним движением он прицепил шпагу к поясу, а сверху накинул студенческую мантию.

– Уходим! Немедля! – решительно сказал он.

– Подожди! Я еще рюкзак не успела собрать! – капризно возразила Белянка.

– Бросай его, и бежим! – выкрикнул Тихоскок, хватая ее за ладонь.

Из тесной комнатки под самой крышей выбраться можно было только в окно. Тихоскок вылез первым и потянул за собой Белянку. Она высунула нос наружу, и тут же отпрянула обратно.

– Тут высоко! Я боюсь! – тоненьким голоском заныла она.

– Не смотри вниз! Лезь за мной! – велел ей Тихоня.

– Как мы спустимся? Там даже лестницы нет!

– Мы не будем спускаться! Мы поднимемся!

Он вскарабкался на покатую крышу и протянул девушке руку. Та вцепилась в него мертвой хваткой. Ему пришлось напрячься изо всех сил, чтобы втащить ее на покатый склон, застеленный черепицей.

– Как хорошо, что ты сидишь на диете! – с облегчением выдохнул он. – Если бы ты растолстела, как твои пышки-однокурсницы, то я ни за что бы тебя не поднял!

Белянка неуверенно выпрямилась на ногах, но не смогла

устоять и заскользила вниз, к краю. Тихоскок ухватил ее и потащил вверх, к деревянному коньку.

Удержаться на крутом склоне было трудно. Тихоскок сам едва карабкался вверх, но все же ему удалось переправиться на противоположный склон крыши и помочь подруге. Он едва не соскользнул вниз, и на этот раз уже Беянка удержала его за шкуру, вцепившись в деревянного конька.

С крыши было видно Крысиное гнездо, расстилавшееся внизу. За каменными стенами цитадели тянулся торговый посад, улицы которого кишели от трудового народа. За посадом начинались бескрайние поля, засеянные пшеницей и ячменем. Недавно взошедшее солнце слепило глаза. Его яркий багровый диск, повисший над краем земли, пугал и напоминал, что Большой Мир опасен.

– Ну вот, мы попались! Мы не сможем спуститься! – отчаянно заголосила Беянка.

Тихоскок и сам понял, что они оказались в ловушке. Деваться с высокой крыши было некуда. В другое время он впал бы в отчаяние, но показать робость при белошерстой красотке было никак невозможно.

– Держи меня за хвост! – стараясь сохранять уверенный вид, распорядился он.

Он подполз к краю крыши и непременно скатился бы вниз, если бы Беянка не намотала на коготь кончик его хвоста. Хвост натянулся так, что казалось, будто он вот-вот оторвется. Ощущение было не из приятных, но пришлось по-

терпеть. Тихоскок заметил, что до земли далеко, однако внизу, сразу под крышей, тянется целый ряд распахнутых окон.

Он свесил голову вниз, впился когтями в деревянный косяк оконной рамы, и испуганно заверещал:

– Отпускай!

Белянка бросила его хвост и в страхе закрыла ладонями глаза. Тихоня совершил в воздухе переворот, подтянулся на руках и быстро нырнул в темный оконный проем.

– Лезь за мной! – крикнул он.

– Я боюсь! – запищала Белянка.

– Я держу тебя! – настаивал он.

– Я упаду и разобьюсь! – вопила девушка в панике.

– Давай же! Я тебя подхвачу!

Белянка решилась и скатилась вниз с края крыши. Тихоскок схватил ее за шиворот и быстро затащил в окно. Вдвоем они пробежали по темному коридору, спустились по лестнице и выбежали на улицу как раз в тот момент, когда стражники вломились в их комнату.

– Бежим быстрее! Если поймают, то нам будет худо! – подгонял подругу Тихоня.

Они понеслись по узеньким улочкам, то и дело ныряя в подземные норы. Однако и стража свое дело знала. Опытные преследователи вмиг обнаружили их следы.

– Эй, студяга! А ну, стой! Поймаю – порву на кусочки! – раздался за спиной резкий оклик.

Тихоскок на бегу оглянулся. За ним гнался немолодой

толстый воин в медной кирасе. На его голове сиял до блеска начищенный шлем, а в руках он сжимал тяжелую алебарду. С первого взгляда Тихоскок узнал знакомый всему городу рисунок на его доспехе: ворота под башней и двух стражников, скрестивших оружие.

– Белянка, дай ходу! – завопил Тихоскок во всю глотку. – За нами гонится Твердолоб!

Это и в самом деле был Твердолоб, начальник караульного приказа и прислужник магистра Гнилозуба. Доспехи на нем были тяжелые, он выбивался из сил, но не отставал. Пот ручьем катился из-под шлема ему на лицо и застилал взгляд, но первый городской стражник следовал по пятам. Приблизившись, он поднял алебарду повыше и попытался ткнуть Тихоскока в зад, но тот резво скакнул вперед, опустился для удобства на четвереньки и понесся вперед во всю прыть, увлекая подругу за собой. Белянка тоже драпанула на всех четырех, забыв о приличиях и не стесняясь показаться в таком смешном виде перед добропорядочными горожанками. Ее хвост дернулся, хлестко съездив Твердолобу прямо по морде.

Тихоскок перепрыгивал из одной темной норы в другую. Они оказались в разветвленном подземном лабиринте, который тянулся под городом на несколько ярусов вниз.

– Я больше не могу! – запричитала Белянка, совсем выбившаяся из сил.

Ее шаг начал замедляться, она заметно отставала. На ее

счастье, Твердолоб в своей тяжелой кирасе тоже изнемогал и уже едва тащился. Его темный силуэт виднелся в проеме подземного хода. Тихоскок потянул подругу за руку и принялся уговаривать:

– Беляночка, нам осталось чуть-чуть, и мы оторвемся!

– Я выдохлась. Беги один! – заявила подруга и рухнула на покрытый каменной плиткой пол.

Тихоскок попытался ее поднять. Стражник в дальнем конце коридора медленно брел к ним. Он уже поднимал алебарду и громко выл:

– Что, попались? От меня не уйдешь!

– Тихоня, спасайся! – заголосила Белянка. – Тебя казнят. А меня всего лишь затащат в гарем.

– Ну, нет! – серая шерсть на боках Тихоскока встала дыбом. – Я тебя не отдам!

Он закрыл своим телом Белянку и сделал шаг навстречу стражнику. Тот встал перед ним на задние лапы и вытянулся во весь рост. Он был высоким – не меньше шести крысофуттов, да и весу в нем было добрых полтора пуда. Тощий Тихоня на его фоне выглядел, как стебель тростника. Но Белянка за его спиной попискивала так жалко, что бросить ее было невыносимо.

Деваться было некуда. Тихоскок подавил в себе жуткое желание сбежать и выставил вперед острые когти. Он даже забыл про шпагу, до сих пор болтавшуюся у него на боку. Стражник оглядел его и расхохотался.

– Ты что, драться со мной собрался? – издевательски спросил он. – Да я тебя разделаю, как ежа на сковородке!

И он замахнулся над его головой алебардой. В этот миг земля под ногами качнулась. С потолка посыпались комья земли. Вывороченный камень сорвался и со звоном стукнул Твердолоба по шлему. Тот удивленно посмотрел вверх и застыл с разинутым ртом. Тихоня от ярости зарычал и приготовился броситься на него, но тут его самого так встряхнуло, что он свалился с ног и покатился обратно, к Белянке. Стражник тоже не удержался и рухнул, звеня медной кирасой, а на голову ему уже сыпались целые пласты сухой глины.

– Это проснулся дракон! – завизжала Белянка. – В такой час нельзя сидеть под землей, нас завалит!

Твердолоб неуверенно пополз обратно. И тут же огромный ком глины сорвался с потолка и упал между ними, перекрыв коридор. Пыль и грязь поднялись столбом и набились Тихоне под мантию. Белянка закашлялась – она не могла отдышаться.

– Нам нужно под открытое небо! Скорее! – сквозь кашель сказала она.

Стражник скрылся из виду за земляной стеной. Тихоскок поднял Белянку и потащил ее за собой, к далекому тусклому свету, пробивающемуся из выхода.

Городской посад кишел от крыс, высыпавших из домов на открытые улицы. Они были взволнованы и перепуганы.

«Дракон рассердился! Дракон трясет землю!» – верещали со всех сторон едва одетые горожанки. Медной кирасы Твердолоба нигде не было видно, и, пользуясь суетой, беглецы пробрались к крепостной стене, за которой начиналось бескрайнее Дикое поле.

Никто не обращал на них внимания. Суетливый народ сновал вокруг, спасая семьи и имущество. Беглецы приблизились к воротам, ведущим за городские стены. Проход вел под высокую арку каменной башни, стража которой сбежала и затерялась среди горожан.

– Если выйдем из города, то назад уже не вернемся! – с отчаянием выкрикнул Тихоскок.

Внутри у него все холодело. Он привык к удобным библиотекам, к аудиториям университета, к кормежке по пять раз за сутки. Днем приличные крысы спят и носа из нор не высовывают. А мир за пределами стен, в Диком поле, у берегов Моря, так и кишит опасностями. Куда соваться ему, книжному червю?

Но Белянка уже юркнула в темную арку – светлый хвостик задел его усики, как будто в насмешку. И он ринулся за ней, не думая о том, что ждет впереди.

Глава 2. Пиратская гавань

Тихоскок и Белянка оказались в степи. Вокруг, насколько хватает глаз – целый лес диких трав. Белянка казалась растерянной.

– Куда теперь? – дрожащим голосом спросила она.

– Не беспокойся! Я знаю, – уверенно заявил он.

Он едва нашел силы, чтобы напустить на себя этот уверенный вид. На самом деле он весь дрожал, а нижние лапы его подгибались. Но это незащитное существо рядом с ним, эта милая альбиноска, рожденная для неги и восхищения, смотрела на него с такой надеждой!

И Тихоня решил вести себя не как отрок, но как муж – пусть даже он и не знал в точности, что это значит.

Вдали шумели морские волны. Солнце поднималось над туманным краем воды. Оно было огромным, зловеще-багровым и ослепительно ярким.

– Ах, я вся обгорю! – капризно сказала Белянка.

И тут Тихоскок повел себя, как настоящий мужчина. Он отгрыз ножку огромного лопуха, насадил ее на гладкую хворостину, и получил настоящий зонтик. Белянка взяла зонтик в руки и с восхищением посмотрела на друга. «Надо же, я и не знала, что ты это умеешь!» – читалось в ее взгляде.

– Побежали к морю! Там рыбацкий поселок, в нем живет

мой знакомый! – командирским голосом выпалил он.

Неожиданно на лицо Тихоскока упала тень. В первый миг он подумал, что это Белянка махнула над ним своим самодельным зонтиком. Он взглянул на нее и увидел, что она стоит в трех шагах от него. Тень исчезла, ослепительное солнце ударило в глаза, а затем снова скрылось. Он поднял голову: из глубины бездонного неба на него падал стремительный ком перьев и мускулов. Впереди торчал клюв: хищно изогнутое, жестокое орудие убийства.

– Ястреб! Спасаемся! – суматошно взвизгнула Белянка.

Инстинкт заставил его сжаться в комок и отскочить в сторону. Крылья гулко хлопнули у него над головой, тень скользнула по земле и пронеслась мимо. Хищник промахнулся и не смог ухватить его, а Белянку, спрятавшуюся под лопухом, он не заметил. Тихоня забился в густые заросли жестких колючек и крикнул подруге:

– Не вылезай из-под листа!

Сердце отчаянно колотилось, на лбу выступил пот, шерсть встала дыбом. Хищник не думал отступать: он заложил вираж и начал облетать кругом, высматривая добычу. Тихоскок не выдержал и дал деру. Высокая трава над головой заколыхалась и выдала его. Ястреб заметил движение и тут же устремился вниз.

– Тихоня, беги! – заголосила Белянка.

Она отбросила самодельный зонтик и сама бросилась наутек. Вдвоем они ринулись, куда глаза глядят. Неожиданно за-

росли густой травы кончились, и беглецы оказались на голой проплешине. Ястреб тут же заметил их и начал снижаться. Его клюв щелкнул у Тихоскока над самым ухом. И тут Тихоня заметил заброшенную нору. Она выглядела дико и неприглядно: осыпавшиеся своды, земляной пол, грязные стены. Но деваться было некуда, и он бросился внутрь, даже не думая, кто может встретиться в темноте. Белянка юркнула за ним вслед. Хищник приземлился, грозно хлопнул крыльями и заглянул во вход. Его круглый глаз – невыразительный, лишенный мысли и чувства, глаз настоящей летающей машины для убийства – бешено вращался, высматривая добычу. Но беглецы были уже далеко: они пробирались на нижние ярусы, царапая шкурки и обдираясь о стены.

Нора была явно рассчитана не на благородных крыс. Карабкаться по ней было ужасно неудобно: видимо, ее вырыли суслики или какие-то другие степные животные. И все же тут, в темноте, беглецы чувствовали себя, как дома. Их острые усики ощупывали тесные стенки, и благодаря им они за просто обходились без зрения.

– Тихоня, я за тобой не успеваю! – пожаловалась Белянка.

Оказалось, что чувствительность ее усиков снижена. В комфортных городских переходах эта особенность никак не проявлялась, но тут, в грубой сельской подземке, сразу же дала о себе знать. Зато Тихоскок расхрабрился. Он чувствовал себя первооткрывателем, нащупавшим новые земли. Он даже начал в уме прикидывать карту этой норы и мечтать

о том, как нанесет ее тушью на ароматный пергамент, за что удостоится награды Географического общества, а может быть, даже звания Почетного Первопроходца.

– Белянка, а ты не знаешь, у Первопроходцев есть иммунитет к судебным преследованиям? – спросил он, обернувшись. – Что-то я не припомню, чтобы кого-то из них грызла инквизиция.

Они поворачивали из одного коридора в другой, но врожденное чутье уверенно вело их на юг, в сторону моря. Пару раз на пути им попались вертикальные шахты, ведущие прямо вверх, и наконец впереди замаячил широкий выход, в который ярко светило дневное солнце.

– Давай подождем вечера, – взмолилась Белянка. – Днем даже по городу гулять опасно, а по Дикому полю бродить в это время – и вовсе самоубийство.

– Белянчик, ночью на охоту выйдут такие твари, что ястреб по сравнению с ними покажется комнатной птичкой, – ласково сказал он, глядя ее по шерстке. – Нам придется поторопиться, иначе до моря нам не дойти.

Его подруга задергала усиками перед обвалившимся выходом. Она не решалась сделать шаг наружу, под палящие лучи. Там, по степи, рыскали хищники, о которых рассказывали страшные сказки. Как заставить себя преодолеть страх?

Неожиданно сзади раздалось шипение. Тихоскок обернулся. Из бокового пролета у него за спиной выползала темная кобра. Она разевала пасть с раздвоенным языком, кон-

чки которого тянулись к добыче. На их счастье, проход был слишком узким, чтобы кобра смогла скрутиться и сделать бросок.

– Белянка, вперед! – вне себя заорал Тихоскок и вытолкнул ее наружу.

Кобра устремилась за ними. Ее тело струилось среди травяных зарослей, и лишь по колыханию стебельков можно было понять, где она находится. Расстояние между ними стремительно сокращалось. Змея зашипела, разинула пасть, словно собираясь проглотить разом обоих, и высоко подняла шею. И в этот миг прямо перед лицом Тихоскока оглушительно хлопнули крылья. Гигантский ястреб спикировал и приземлился в двух шагах от него.

Тихоскок остановился и растерянно замер. Белянка затравленно озиралась по сторонам. Время остановилось, все чувства исчезли. Тихоня лишь смотрел неподвижным взглядом на то, как раскрывается хищный клюв, как летучая тварь делает резкий бросок...

Он не почувствовал ни удара, ни боли. Ястреб промчался мимо, схватил кобру, и, победоносно держа ее в клюве, взмыл в воздух. Змея отчаянно извивалась и шипела от ярости. Белянка безмолвно смотрела, как оба врага удаляются.

Тихоня ощупал ее, но она была неподвижна.

– Белянчик, пойдем, здесь опасно! – сказал он.

Но подруга не отзывалась – змеиный гипноз еще не развеялся. Ему пришлось приводить ее в чувство, растирая све-

денные мышцы и хлопая по щекам. В конце концов она очнулась, но долго еще не решалась произнести ни слова и казалась какой-то пришибленной.

Рыбачий поселок располагался на высоком уступе, нависшем над морским берегом. Белянка никогда раньше не видела моря. Она замерла над обрывом, вглядываясь вдаль.

– Как я хочу уплыть далеко-далеко, в другие края! – с чувством сказала она.

Двери таверны были распахнуты настежь. Несмотря на дневное время, она была заполнена посетителями. Музыкант в углу терзал струны самодельной гитары.

– Эй, Баламут, спой-ка нам песню о драконе и заклятом кладе! – крикнул гитаристу пожилой шкипер в красной пиратской бандане с белыми черепами.

Под его безрукавкой из грубой парусины виднелась жесткая, просоленная черная шерсть, а на шее болтались бусы из диковинных морских раковин.

Гитарист с готовностью тронул струны и запел о том, что где-то в глубине моря притаился город волшебников и великанов, ушедший на дно в незапамятные времена. В этом городе спрятан Заклятый клад. Кто найдет его – станет самой богатой крысой на земле. Неисчислимы сокровища моря, однако клад предков покажется чудом даже по сравнению с ними. Но его нельзя раздобыть просто так. Клад сторожит чудовищный дракон, пожирающий крыс. Древние предки на-

ложили на свои богатства колдовское заклятье: трое кладоискателей должны найти гибель в пасти дракона, прежде чем кто-либо доберется до сокровищ. Много воды утекло с тех пор, и многие мечтали их получить. Но как ни искали этот таинственный клад в водной пучине, как ни звали дух предков из морской глубины – ничего не нашли.

Гитарист кончил петь, звон его струн затих. Все присутствующие разразились аплодисментами и восторженными возгласами. Шкипер в красной бандане кинул певцу серебряную монету и заказал всем по кружке ячменного пива.

Тихоскок схватил Белянку за ладонь и потащил за собой. При виде его черношерстый мореход просветлел.

– Бизань-дерезань! Лампедуза-медуза! Кого я вижу! Тихоня, неужели ты наконец решился выбраться из своей тухлой норы? – завопил мореход, радостно протягивая к нему руки.

Они крепко обнялись, как старые знакомые.

– Белянка, познакомься, это шкипер Ветрогон, – сказал Тихоскок.

Мореход оглядел альбиноску, повел острым носом и красноречиво взглянул на приятеля. В его взгляде читалось: «Вот это подружку ты себе подыскал!» Но вслух он произнес:

– Зря вы ходите по побережью днем, дамочка. Обгорите под солнцем.

– Я никакая не дамочка! – обиженно заявила Белянка. – И буду ходить, где хочу!

Шкипер расхохотался:

– Не обижайтесь. Ваш друг помог мне больше, чем попутный ветер. Он соорудил подводный колпак для дыхания. С ним я смогу погрузиться на дно и добыть кучу морского стекла, а оно стоит целого состояния. Но мне нужны корабль и команда. Кто-то должен остаться на палубе и качать воздух. Вы поплывете со мной?

Тихоскок взгромоздился за деревянный стол, лихо сдвинул квадратную шапочку с кисточкой набок, обнажив порванное шпагой ухо, и с видом заправского морского волка принялся сосать пиво из кружки. Всем своим обликом он давал знать подруге: смотри, я среди этих бывалых вояк – как свой!

А в зале тем временем закипел бурный спор. Все продолжали обсуждать песню о драконе и Заклятом кладе.

– Это все сказки! – уверенно говорил трактирщик в залитом пивом фартуке. – Если бы Затопленный город существовал, его давно бы нашли. Слишком много желающих разбогатеть на халяву.

– Зато если поднять со дна залежи драгоценностей, то потом всю жизнь можно жить припеваючи, – возразил ему Ветрогон. – Я сам мерял линем силу подводных течений и составил их карту. И я рассчитал, откуда на наш берег выносит морское стекло.

– И откуда? – поинтересовался трактирщик.

– Так я тебе и скажу, хитрая ты каракатица! – расхохотал-

ся Ветрогон. – Однако я нисколько не сомневаюсь, что если как следует пошерстить, то легенда окажется правдой. Вот, смотри, Вислобрюх, на моих бусах среди раковин попадаются зубы подводных чудовищ. Я сам добывал их, когда был молодым.

– Да полно тебе языком-то молоть, – насмешливо проговорил трактирщик. – Это зубы не чудищ, а каких-то животных из дальних морей. Ты все это выдумал.

– Ты думаешь, что я вру? – взъелся бывалый шкипер. – Да я готов спорить на сто золотых, что чудовища существуют.

– Я принимаю спор! – с азартом заявил трактирщик. – Только чем ты будешь расплачиваться? Ты мне и так задолжал!

– Бери все, что у меня есть! – с таким же азартом выкрикнул Ветрогон. – Хибару, лодку и рыбацьи сети.

– Они не стоят ста золотых. Но я согласен! – ответил трактирщик. – А в доказательство принеси голову морского дракона. Пустыми байками меня не проведешь!

Присутствующие зашумели, выражая одобрение. Ветрогон сел рядом с Тихоскоком и крепко задумался.

– Бизань-дерезань, вот я влип! – сказал он. – Где мне взять сто золотых? У нас в Пиратской Гавани порядки суровые. Кто не может заплатить долг – отправляется в рабство до тех пор, пока не отработает все до последнего медяка.

– Тогда у нас один выход, – ответил ему Тихоскок, смахивая с ученой мантии пивную пену. – Найти город предков и

этот мифический клад.

– Да его кто только ни искал! – безнадежно махнул рукой скипер. – А у нас даже корабля нет.

– Может, корабль удастся у кого-нибудь раздобыть? – вставила слово Белянка.

– Да, есть тут у нас один лихой капитан, – вздохнул Ветрогон. – Но уж очень мне не хотелось к нему обращаться...

Особняк капитана Лихогляда выделялся среди ветхих строений, рыбачьих хибар, кладовых и таверн. Его окружал мутный ров с крокодилами. За рвом высился прочный забор, по четырем углам которого на окрестности угрюмо взирали дубовые башни с часовыми.

Двое охранников в пиратских безрукавках повели их по высокому мостику, перекинутому через ров. Пара крокодилов высунулась из мутной воды и меланхолично наблюдала за путниками. Белянка с любопытством подошла к краю мостика и во все глаза начала таращиться на них – она никогда прежде не видела таких хищников. Неожиданно из стоячей заводи, затянутой зеленой ряской, высунулся настоящий гигант, подпрыгнул, разинув огромную пасть, и щелкнул зубами у Белянки прямо перед носом. Девушка завизжала от страха, отпрыгнула и прижалась к Тихоскоку. Оба охранника издевательски заржали. Тихоня и сам был напуган, но не подал виду. Он обнял Белянку, погладил ее по пушистой шерстке и уверенно повел за собой.

Ветрогон первым вошел в трехэтажное здание с мраморными колоннами. Двое охранников впустили их и встали за спинами.

По широкой мраморной лестнице к ним спустился хозяин особняка, капитан Лихогляд. Его бурая шерсть была аккуратно приглажена и расчесана. Острый нос залихватски высовывался из-под длинного завитого парика, на котором покачивалась фетровая треуголка с роскошным орлиным пером. Из-под небрежно накинутого на плечи распашного кафтана с золотыми пуговицами выглядывал пурпурный камзол с рукавами из тонких кружев, а через плечо была перекинута голубая перевязь, на которой висела широкая абордажная сабля.

Радушно улыбаясь, капитан сорвал с головы шляпу, и, изящно качнув пером, поклонился гостям.

– Ах, какой чудесный сюрприз! – заворковал он, беря шкипера под локоток. – Ветрогон, мон ами! Как давно мы не виделись! Ты же знаешь: на моей палубе для тебя всегда найдется местечко с тенью. Кого ты привел ко мне? Это твои друзья? Какой ты молодец! Ты же знаешь, как я обожаю новые знакомства. Ах, мадмуазель! Какая великолепная белая шерстка! Какая гладкая и шелковистая! Вы, должно быть, принцесса! Или волшебная фея! Обычные крысы не бывают такими прекрасными!

Он галантно тронул Белянку за ручку и поцеловал воздух в миллиметре от ее ладони. Та смутилась, покраснела и рас-

плылась в довольной улыбке.

– Это Белянка, бывшая невеста магистра Гнилозуба, – представил ее Ветрогон. – А это – бакалавр Тихоскок, ученый и гениальный изобретатель, соорудивший колпак для подводных погружений, о котором я тебе рассказывал.

Услышав эту рекомендацию, Тихоня опешил и смутился не меньше своей подруги.

– С этим колпаком мы поднимем со дна целые залежи морского стекла, – не замечая смущения друзей, увлеченно продолжал говорить шкипер. – Но нам нужны корабль и команда. Прибыль мы готовы разделить по справедливости. Ты – хозяин Пиратской Гавани, и без твоего позволения нам все равно ничего не светит. Так что приглашаем тебя в долю, и пусть меня проглотит акула, если кто-нибудь скажет, что это плохая сделка!

Лихогляд хищно взглянул на него и облизнулся, но тут же взял себя в руки и произнес:

– Ах, о делах еще успеем поговорить! Вы, наверное, устали с дороги? Мой шеф-повар как раз собирался подавать обед. Я, знаете ли, невероятный гурман. Не изволите ли со мной отобедать? На первое у меня луковый суп-пюре с белым вином, на второе – касуле с нежным ягненком, а на закуску – гусиный паштет. И, конечно, десерт! Как вы отнесетесь к шоколадному мороженому, мадмуазель? Или к апельсиновому желе?

Белянка распахнула рот, чтобы ответить, но не нашлась,

что сказать, и лишь проглотила слюну.

– Хорошо отнесемся! – выпалил вместо нее Тихоскок, которого уже начало развозить от пива, выпитого в таверне.

Парадный обед у капитана Лихогляда превзошел все ожидания. Ягненок и в самом деле оказался нежнейший. К тому моменту, когда его подали, Беянка уже успела напробо-ваться белого вина с паштетом, но тут оказалось, что с ягненком нужно пить красный «Крыссароль» пятнадцатилетней выдержки. Любезнейший капитан взял ее под свою опеку и обстоятельно рассказал на ушко, какое вино с каким блюдом следует употреблять по правилам великосветского тона.

Ветрогон и не думал деликатничать. Он сразу схватил себе кость покрупнее, обильно полил ее соусом, и теперь глодал, зажав в кулаке.

– Так что там насчет корабля? – напомнил он. – Спасибо, конечно, за обед, но мы-то пришли по делу!

– Ах, да, мой любимый корабль, – опечалился Лихогляд. – Что ж, давайте совершим небольшой променад.

Беянка едва успела покончить с горкой мороженого, политого лимонным сиропом, как вся компания в сопровождении трех матросов отправилась на прогулку. Двух из них – высокого и худого Чумадура и маленького, толстенького и лысого Сиволапа – друзья уже видели. Третьим оказался матрос по имени Дуболом. Его черно-бурая шерсть стояла дыбом, как иглы ежа. На голую грудь была накинута одна

безрукавка, а штаны завязаны ниже колен потертыми веревками, как у дикого островитянина.

Лихогляд повел их подальше от гавани с ее пустующими причалами и вывел на отдаленное побережье. На песчаной отмели виднелся остов разбитого брига. В бортах его зияли огромные пробоины, снасти были сняты, а обломки мачт печально смотрели в небо раздробленными в щепки концами.

– Бизань-дерезань! – воскликнул Ветрогон. – Что случилось с твоим «Лихим змеем»?

– Увы, мон ами! – ответил капитан. – Произошло маленькое недоразуменье в открытом море с каравеллой небезысвестного вам магистра Гнилозуба, после которого мой чудесный бриг оказался в столь плачевном состоянии.

– Это Гнилозуб так покоцал вашего «Змея»? – с удивлением спросил Тихоскок.

– Не столько Гнилозуб, сколько его прихвостень, Твердолоб, – невольню выдав злобу, ответил Лихогляд. – На их каравелле оказались пушки, чего мы никак не ждали. Надеюсь, что я получу с них достойную компенсацию за этот урон.

– Что же нам теперь делать? – приуныл Ветрогон.

– Не расстраивайся, дружище! – беспечно обнял его за плечи капитан. – Ты же знаешь – я из любой трудности найду выход. Приглашаю вас заночевать в моем доме. А к утру я что-нибудь придумаю.

Вечером всех развели по отдельным спальням. Тихоне до-

сталась высокая кровать с прозрачным балдахином, подвешенным, как шатер. Он долго не хотел залезать под одеяло и все прислушивался у двери – как там Белянка и не лезет ли к ней этот прилипчивый капитан. Но Лихогляд куда-то исчез, в коридоре все было тихо, чужих шагов не раздавалось, и в конце концов он позволил себе устроить заживающее ухо на подушке и прикорнуть.

Рано утром за его дверью послышался шорох. Тихоскок навострил ушки.

– Куда прешь, козья морда? – послышался голос толстенького Сиволапа. – Знай свое место!

– Отодвинься, свиная туша! – заворчал голос высокого худого Чумадура.

Раздались звуки борьбы. Дверь распахнулась, и в проем попытались протиснуться сразу два моряка, но застряли в косяке и окончательно разругались. Через мгновение они ввалились в комнату и грохнулись наземь.

– Извиняйте за беспокойство! – недовольно буркнул Чумадур, поднимаясь и отряхиваясь.

– Одевайтесь, нас ждет прогулка по морю! – расплываясь в фальшивой улыбке, сообщил Сиволап.

Тихоня придиричиво оглядел принесенную ему горку одежды. Она подходила для морских путешествий гораздо лучше академической мантии. Белую льняную сорочку с широкими рукавами он заправил в короткие черные брюки, ниже колен подвязанные синими ленточками. Спрятав под со-

рочку свой талисман и бережно расправив платок, повязанный Белянкой, он натянул удобную безрукавку, поверх которой набросил серую матросскую ветровку из грубой парусины, с капюшоном, поясом и широкими карманами. Туфли он оставил свои – черные, кожаные, с узорными пряжками, а вот шляпу надел подаренную – это был лихой морской картуз из мягкого бархата с длинным козырьком.

Забежав в спальню к Белянке, он обнаружил, что и она успела облачиться в обновки. Девушка была в желтой шелковой блузке с перламутровыми пуговицами и в короткой зеленой юбочке, из-под которой выглядывали облегающие коричневые бриджи. На голове ее красовалась кремового цвета шляпка с большой искусственной розой, а на груди висел мешочек с ароматной смесью из мятных трав – девушки в Крысином гнезде верили, что этот запах делает хозяйку желанной и неотразимой.

Тихоскок придирчиво осмотрел ее, но не нашел ничего подозрительного. В комнате тоже не обнаружилось следов чьих-либо ночных визитов, и он успокоился.

– У тебя все в порядке? – хмуро буркнул он.

– Да, а что? – невинно спросила девушка и чмокнула его в щечку.

Тихоне стало неловко из-за того, что он мог сомневаться в этом ангельском создании.

За завтраком, воспользовавшись тем, что охранявшие особняк моряки в отсутствие хозяина разленились и не

слишком-то заботились о гостях, Белянка спросила у шкипера:

– Ветрогоша, а что у тебя за карта?

– Это карта промера глубин и течений, – с увлечением заговорил мореход. – Она так составлена, что никто, кроме меня, ее не поймет. Если мои расчеты верны, то месторождение морского стекла должно прятаться на Глубоководье, в районе Темной бездны.

– А что такое Темная бездна? – удивилась Белянка.

– Это глубокая впадина в морском дне. Вода вокруг нее чистая и прозрачная – такая, что видно кораллы и каждую стайку рыб. И среди этого великолепия зияет глубокий провал. Он похож на дыру в морской пучине. Никто не знает, что таится в ее глубине. Говорят, будто подводный дракон живет именно там.

– Я знаю, что это такое, – недовольно проговорил Тихоскок. – Меня собирались в нем утопить.

– Ветрогоша, а почему рыбацкий поселок называется Пиратской гаванью? – не унималась Белянка.

– Раньше здесь промышляли пираты, – нехотя ответил шкипер, почесав свою красную бандану, на которой были вышиты белые черепа с костями.

– А теперь больше не промышляют? – с подозрением спросил Тихоскок.

– Нет! – заверил его Ветрогон. – Они давно остепенелись и занялись честным бизнесом.

После чашки холодного кофе их посадили в широкую шлюпку. Сиволап с Чумадуrom уселись за весла, а хмурый Дуболом устроился на корме. Ветрогон нервно оглядывался и поминутно спрашивал:

– Куда нас везут?

Но Дуболом только ухмылялся в ответ и твердил:

– Не извольте беспокоиться. Капитан приготовил вам сюрприз.

Утро выдалось ясным, по небу лишь изредка пробегали тонкие облачка. Золотистое солнце взошло над горизонтом и воспарило над туманной дымкой. И прямо из этой дымки к ним выплыла грациозная трехмачтовая каравелла, на носу которой красовалась деревянная фигура Крысодевы, сложившей ладони и готовящейся нырнуть в воду.

– Ух ты, совсем как живая! – восхищенно воскликнула Белянка, разглядывая фигуру.

На борту каравеллы была выведена надпись: «Лазурная мечта». Капитан Лихогляд перевесился через перила, снял свою треуголку с орлиным пером и замахал ей, крича:

– Друзья мои, я достал вам корабль!

С борта скинули веревочную лестницу. Ветрогон первым вскарабкался на палубу, за ним Сиволап с Чумадуrom подсадили Белянку. Тихоскок тоже попробовал подняться, однако это оказалось сложнее, чем он себе представлял. Лесенка наклонялась под его весом, ноги задирались к небу, и он по-

висал вниз спиной. Команда на палубе захохотала, глядя на его неловкие попытки выровнять положение. Сиволап с Чумадуром принялись толкать его вверх, но как ни старались, у них ничего не выходило.

– Ровнее! Спину держи! – хохоча вместе со всеми, кричал с палубы Ветрогон.

Наконец, Тихоскоку удалось распрямиться и преодолеть несколько ступенек.

– Мон ами, вы прирожденный моряк! – утирая выступившие от смеха слезы кружевным платком, сказал ему Лихогляд.

Корабль удивил Беянку. Он оказался прекраснее всего, что она видела до сих пор. На трех высоких мачтах развевались паруса ослепительного лазурного цвета, поверх которых золотистыми нитями было выткано изображение дракона, поднимающего голову над водой. Еще одна мачта, наклонная, была приделана к носу и нависала над волнами. На самой высокой грот-мачте реял бело-синий флаг с золотым солнечным кругом.

Матросы взялись за дело, и корабль заскользил по водной глади. Паруса над головой оглушительно хлопали. Беянка вздрагивала и пригибала голову, но вскоре привыкла и начала разгуливать по палубе, как по паркету бального зала. Тихоня залюбовался на то, как грациозно она выглядит в этой новой обстановке. Сам он чувствовал себя неуверенно. Палуба под ногами качалась, и он то и дело хватался за кора-

бельные снасти.

Зато Ветрогон оказался в родной стихии. Пожилой шкипер тут же вскарабкался на высокую кормовую надстройку, встал рядом с боцманом и принялся убеждать его, что в это время года нужно делать поправку на сильный зюйд-вест.

Капитан Лихогляд распахнул дверцы каюты, расположенной в глубине юта.

– Пассажиры, добро пожаловать в ваши апартаменты! – приветливо улыбнулся он.

Тихоскок задержался – волна как раз качнула каравеллу, и он уцепился за грот-мачту, от которой теперь не решался сделать и шагу. Зато Белянка радостно порхнула в таинственный полумрак распахнутой дверцы.

– Ой, кто это? Тихоня, тут... – раздался из темноты ее голосок.

После короткого писка голос тут же умолк. Тихоскок насторожился. Он заставил себя оторваться от мачты, и, стараясь удержаться на ногах, побежал к каюте. Ее окна были отделаны разноцветными стеклами, отчего дневной свет смягчался и падал на мебель причудливой картинкой, напоминающей калейдоскоп. Синие, желтые, красные блики ложились на широкий дубовый стол, за которым деловито стояли толстый магистр Гнилозуб в шляпе с лисьим хвостом, епископ Муровер в лиловой сутане и начальник охраны Твердолоб в кирасе и медном шлеме. За их спинами виднелись силуэты дюжины стражников, вооруженных копьями и алебардами.

Твердолоб крепко сжимал в лапах Белянку и закрывал ей рот, чтобы она не пищала.

– Это еще что такое? – опешил Тихоня. – А ну, отпусти ее!

И тут же сзади, из темноты, на него накинулись двое дюжих стражников, вывернули ему руки и наклонили лицом к полу. Шпагу грубо сдернули с его пояса и отдали магистру.

– А вот и моя «Блиставица»! – любовно поглаживая ее по клинку, проговорил Гнилозуб. – Иди к хозяину, моя девочка!

Он придирчиво оглядел эфес и удостоверился, что кусок зеленого стекла в шишке цел и невредим.

– Хвала мудрым! Если бы ты испортил стекло, я заставил бы тебя проглотить клинок! – заявил он Тихоскоку.

– А что делать с этой девкой? – спросил Твердолоб, указывая на вырывающуюся Белянку.

– То же, что и со всей компанией, – расхохотался магистр, поблескивая коронкой. – Исполним приговор инквизиции. Если, конечно, его святейшество не возражает.

Муровер стукнул о пол посохом с серебряной головой и авторитетно произнес:

– Давно пора. Утопим их в Темной бездне, как и надлежит поступать с еретиками.

– Что вы сделаете с пленниками, меня не касается, – вошел в разноцветный круг капитан Лихогляд. – Мне нужны только корабль и карта. Надеюсь, наш договор еще в силе?

– О, конечно, мой дорогой капитан! – радушно развел ру-

ки в стороны магистр. – Наша сделка была честной. Беглецы – мне, корабль – вам. Однако я очень надеюсь, что вы не станете использовать «Лазурную мечту» для пиратства.

– Не беспокойтесь, – сухо ответил ему Лихогляд. – Заниматься пиратством я больше не собираюсь. На этой каравелле я планировал отправиться в путешествие. Моя команда плывет вместе со мной. Пока нас нет, можете чувствовать себя в безопасности.

– А долго ли вы будете отсутствовать? – поинтересовался епископ.

– Это зависит от точности карты, – нехотя проговорил Лихогляд. – Кстати, где она?

Дверцы опять распахнулись, и в тесную каюту вволокли связанного Ветрогона. Пожилой шкипер ругался и пытался вырвать из рук стражников свою карту, однако сделать он это мог только зубами, так как его собственные запястья были туго стянуты ремешками.

– Ах вы, гнилые селетки, бушприт вам всем в глотку! – орал шкипер. – Вы чего тут задумали? Что вам нужно?

– Нам нужно всего лишь карту подводных течений, которые несут морское стекло к Изумрудному берегу, – ласково сообщил ему Лихогляд.

– Как ты мог? – уставился на него Ветрогон. – Ведь мы столько лет ходили под одним парусом. Я тебе доверял!

– Пиратам нельзя доверять, – осклабился Лихогляд. – Ты и сам это знаешь.

Пожилой шкипер поник. Вместе с Белянкой и Тихоскоком его вывели на палубу, под яркий солнечный свет. На одной стороне каравеллы собрались стражники во главе с Твердолобом, на другой – пираты с Лихоглядом. Они скалились и насмехались над пленными. Особенно старались Сиволап с Чумадуrom.

– Эй, бакалавр! – щерясь, кричал низенький толстенный Сиволап. – Ты вроде как ученый. Должно быть, у тебя много ума. Как ты мог так лохануться?

– Эх, отдали бы мне эту красотку! – с вожделием глядя на Белянку, вопил высокий и тощий Чумадуr. – Я бы сообразил, что с ней сделать!

Белянка, не привыкшая к такому обращению, возмущенно заверещала:

– Как вы смеете так со мной обращаться? Я альбиноска! Со мной так нельзя!

Ее слова вызвали бурный взрыв хохота. Смеялись все – и пираты, и стражники.

Боцман взял цветные флажки, вскарабкался на высокий ют и принялся размахивать лапами, подавая сигналы. Вдали показались невзрачные серые паруса маленькой бригаантины, которая пристала к каравелле. С борта на борт перекинули деревянный мостик, по которому начали переправлять связанных пленников. Белянка ухитрилась и тянула Твердолоба за палец, отчего тот дернулся и едва не сбросил ее в воду. Однако, спохватившись и взглянув исподлобья на хозяина,

придержал пленницу и грубо поволок по мостку.

– Как же так, капитан? – прокричала с палубы бригантинны Белянка. – Вы казались таким благородным, таким любезным! Неужели я в вас ошибалась?

– Увы, мадмуазель! – с сожалением ответил ей Лихогляд. – Но я уже много лет мечтаю добыть подводный клад, а этого не сделать без карты и хорошего корабля. Эта мечта для меня значит намного больше, чем трепет вашей пушистой шерстки.

Пираты снова расхохотались. На борт бригантины сошел Гнилозуб и деликатно подал руку епископу, который боялся качки.

– Снять пушки! – распорядился магистр, едва почувствовав себя в безопасности на другом корабле.

Стражники тотчас забегали по каравелле, выкатывая четыре пушки, которыми она была вооружена.

– Эй, постойте! – запротестовал Лихогляд. – Я беру корабль со всем, что есть на борту, и с пушками в том числе.

– Ну уж нет, дражайший мой капитан, – рассмеялся неприятным тоном Гнилозуб, отчего его ожиревшие бока затряслись, как желе. – Мы не такие идиоты, чтобы оставить орудия вам. Кто знает, против кого вы их пустите в ход, когда встретитесь нам в открытом море?

– Но я ведь завязал! – возмущенно выпалил капитан. – Вы же сами обещали мне помилование от магистрата!

– Вот именно! – торжественно провозгласил Гнилозуб,

вздывая кривой коготь к небу. – Я обещал вам помилование, и не хочу, чтобы вы натворили бед после того, как члены почтенного магистрата окажут доверие моей рекомендации. «Лазурная мечта» – для честной торговли, а не для пиратского промысла.

– Вы сомневаетесь в моей честности? – капитан схватился за перевязь, на которой носил абордажную саблю, но Твердолоб звякнул алебардой, и Лихогляд решил не искушать судьбу.

– В вашей честности? Нет! Особенно после того, как вы выдали эту красавицу, доверившую вам свою жизнь и жизни своих друзей, – издевательских расхохотался магистр.

Лихогляд скрипнул зубами, оглядел плотный ряд стражников в медных кирасах, стоящих за спиной магистрата, и коротко бросил:

– Ладно, я это припомню!

Ветер надул лазурные паруса каравеллы, и она заскользила по морю, удаляясь от бригаантины. Капитан Лихогляд на прощанье помахал треуголкой с орлиным пером.

Тихоскок, разинув рот, смотрел ему вслед. Он не мог поверить, что друг в один миг превратился в предателя, и теперь стремительно покидает их. Однако, обернувшись, он увидел ухмыляющегося Гнилозуба, который с победоносным видом расхаживал по палубе, сверкая золотой коронкой.

Магистр подошел к Белянке, ощупал ее взъерошенную

шерсть и самодовольно заявил:

– Жаль терять такую красоту. Но после твоего бегства надо мной зубоскалит чернь. Она должна усвоить, что со мной шутки плохи. Так что придется тебе отправиться в Темную бездну вслед за дружкой.

Тихоскок резко дернулся, попытавшись высвободить ладони из пут, и закричал:

– Развяжи меня! Сразимся один на один, как взрослые крысомужи!

Но Гнилозуб только издевательски расхохотался:

– Куда тебя тягаться со мной, мелкий мышонок! Ты приговорен инквизицией, и отсрочка, которую выторговал твой профессор, давно истекла. А на моей стороне – закон!

– Что прикажете делать с третьим бродягой, ваше высококородие? – спросил Твердолоб, подтаскивая Ветрогона.

– А зачем он нам без карты? Отправим и его на корм подводному чудищу, если оно существует, – беспечно распорядился магистр. – В конце концов, он помогал преступникам, а значит – он тоже виновен.

– Курс – на Темную бездну! – громко распорядился Твердолоб.

Связанных друзей спустили в темный трюм и бросили на тюки со съестными припасами. Всю ночь их качало на волнах, а наутро их снова вытащили на палубу, и Тихоскок решил про себя, что это не к добру.

На борт бригантины уселась нахальная чайка и принялась кричать пронзительным голосом, требуя подачи.

– Подплываем к земле, – мрачно сделал вывод Ветрогог. – Хоть среди этих остолопов и нет ни одного настоящего лоцмана, но проплыть мимо Дикого острова не могут даже они. А вот пусть попробуют найти вход в залив!

Однако и вход в залив команда Твердолоба нашла довольно быстро. Дикий остров представлял собой каменную грядку, широким кольцом торчащую из воды. Скалы густо поросли тропическим лесом, в котором кишмя кишело зверье и птица. С западной стороны подкову скал разрезал пролив, и вот тут начиналось самое интересное.

Едва бригантина прошла меж двух высоких каменных столбов, как попала во внутреннюю лагуну, спрятанную от постороннего глаза горами и зарослями. Но лагуна эта разительно отличалась от моря, раскинувшегося за скалистой грядой. Дна ее не было видно, и ни один линь не мог измерить ее глубину. На фоне окрестных светло-зеленых вод, заросших кораллами, в которых сновали стайки разноцветных рыб, эта лагуна зияла, как огромная темно-синяя дыра, за что ее и прозвали Темной бездной. Что творилось в ее пучине – никому не дано было знать, однако на поверхность тут постоянно всплывали газовые пузыри, отчего казалось, будто вода бурлит и вскипает. Зрелище получалось жутким, и порядочные путешественники держались от этого места подальше.

Вода за бортом смачно булькнула. Огромный пузырь всплыл со дна и на мгновение образовал перед носом у корабля впадину, которая тут же с шумом заполнилась пенистыми волнами.

– Ой, что это? – испугалась Беянка и прижалась к Тихоне.

Сквозь тонкую желтую блузку он разглядел, как топорщится ее шерстка, и почувствовал, как молотится ее сердце.

– Это дышит подводный дракон! – услышав ее, мстительно ответил Гнилозуб. – Раз в сто лет он поднимается из глубин и нападает на город, если только разумные горожане не принесут ему жертву. Мы давно уже не кормили чудовище, и оно, должно быть, сильно оголодало. Ух и злое же оно теперь! Вон как пускает ноздрями воздух.

– Это правда? – еще сильнее прижалась к Тихоне Беянка и заглянула ему в глаза.

– Я не знаю, – признался ей Тихоскок. – У всего должно быть разумное объяснение, и у этих пузырей тоже. Вполне может быть, что они происходят от природных причин.

– От каких бы причин они ни происходили – вам это не поможет, – злорадно проговорил епископ Муровер.

Он стоял на носу, указывая команде путь своим посохом с головой крысы, и путь этот лежал прямо к середине залива, где бурление вод казалось особенно сильным.

– Начальник стражи! Исполните приговор инквизиции! – торжественно повелел епископ.

Твердолоб засуетился и принялся распоряжаться. На шеи пленникам нацепили обрывки тяжелых якорных цепей, к которым подвесили увесистые камни в сетках. Муровер ударил о палубу посохом и торжественно произнес:

– По приговору Святой инквизиции трое еретиков и преступников во главе с недоучкой Тихоскоком подлежат утоплению в Темной бездне. И пусть их участь послужит уроком для всех, кто осмелится усомниться в Истине Подземелья и в данном нам Высшей Мудростью законе!

И он изящно взмахнул рукавом лиловой сутаны. Твердолоб схватил Тихоскока и подтащил его к краю палубы. Остальные стражники взялись за Белянку и Ветрогона. Пожилой шкипер отчаянно упирался и вопил:

– Ах вы, кладовые мыши, чтоб вас на якорной цепи повесили! Вы чего творите? Какой это закон?

Но его никто не слушал. Тихоскок ощущал на своей шее гнетущую тяжесть балласта. Подвешенный к нему груз весил больше, чем он сам, и не было никаких сомнений, что едва оказавшись в воде, он стремительно пойдет на самое дно этой клокочущего темного провала.

Однако Твердолоб, видимо, сам не горел желанием исполнять это грязное дело. Показав подчиненным пример, он отстранился от Тихоскока и велел стражникам:

– Ну, чего рты разинули? Валите его за борт, живо!

Двое стражников нерешительно приблизились и начали переваливать Тихоскока через борт. Однако он вместе с гру-

зом оказался таким тяжелым, что им трудно было с ним справиться. Да еще медные кирасы и шлемы мешали им двигаться.

В этот миг из подводной глубины донесся раскат глухого грохота. Вода вокруг корабля забурлила и взорвалась тучей пенистых воронок.

– Дракон проснулся! – завопил Твердолоб, отскакивая от края борта на середину палубы.

Стражники отпустили Тихоню и бросились вслед за ним.

– Дракон это или нет, но приговор должен быть исполнен! – брызжа слюной, завизжал Гнилозуб.

– Чудовище на нас нападет! – хватаясь лапами за мачту, завопил Твердолоб. – Оно разнесет корабль в щепы!

– Успокойся! Возьми себя в руки! – попытался привести его в чувство Гнилозуб. – Видишь – никакого дракона не видно!

– Он всплывет с глубины! – не унимался начальник охраны.

– Так принеси ему жертву скорее! – заверещал магистр, надеясь, что крик сильнее подействует на охранника. – Как только он слопают этих преступников, так сразу и успокоится!

Твердолоб с круглыми от ужаса глазами уставился на него, резко сорвался с места и метнулся к пленникам. Тихоскок почувствовал, как огромные лапы охранника оторвали его от палубы и принялись поднимать к краю бортика. И в этот

же миг за бортом что-то ухнуло, раздался грохот и плеск, и на глазах у растерянной команды корабля из воды поднялась волна высотой в десять крысиных ярдов.

– Белянка, держись! – вне себя завопил Тихоскок.

Волна подбросила бригантину, как легкое перышко, и понесла к берегу. Палуба ушла из-под ног, и все, кто стоял на ней, потеряли опору и покатались по доскам. Тихоскок больно ударился о железную цепь, подвешенную к его шее, и в этот же миг его сердце ухнуло и замерло, как будто корабль начал стремительно падать.

Зубами Тихоня дотянулся до пут на своих запястьях и вмиг разгрыз узел. Освободив руки, он тут же скинул с шеи камень и цепь, подхватил Белянку, катавшуюся по палубе, и помог высвободиться и ей. Ветрогон, вцепившись когтями в борт, высовывал свой черный нос наружу и вопил:

– Сбросить балласт! Сейчас нас разобьет о скалы, бизань-дерезань!

Стражники принялись лихорадочно сбрасывать с себя тяжелые шлемы и кирасы, и выкидывать алебарды за борт. Корабль рухнул вниз с гребня волны, ударился днищем о воду, треснул и раскололся на части. Его палуба разломилась, мачты рухнули, паруса затрещали и сорвались. Тихоскок потерял опору и провалился куда-то вниз. Его подхватило волной и вынесло за борт. Он оказался в потоке бурлящей пены и принялся отчаянно барахтаться затекшими лапами. В лицо ему ударила струя холодной воды, глаза залепились, ды-

хание сперло.

– Помогите, тону! – визжала где-то неподалеку Белянка.

Почти ничего не видя, он начал грести в ее сторону. И в этот момент на него накатила вторая волна. Она подняла его и бросила на песчаную отмель, прокатив шкурой по жесткой гальке, перевернув вверх тормашками и ударив о камни.

Тихоскок поднял голову. Он лежал на прибрежном песке, а холодные волны накатывали на него и норовили залить солеными струями нос и глаза. Он вскочил, огляделся по сторонам и дрожащим от волнения голосом завопил:

– Белянка! Ветрогон! Где вы?

В двадцати шагах от него виднелся разбитый остов бригантины. В ее борту зияла огромная дыра. Волны выносили на берег обломки мачт и снастей. Тихоскок бросился к кораблю, завывая:

– Белянка! Ты жива? Отзовись!

Вокруг разбитого корабля в беспорядке валялись тела стражников. Медных кирас и шлемов ни у кого не осталось. Оружие тоже утонуло – его выбросили в первую очередь. Некоторые из выживших шевелились и пытались встать, но Тихоскок не обращал на них внимания. Он уцепился за качающийся трос, взобрался на покосившуюся палубу и нырнул в трюм. Друзей нигде не было видно. Ящики и мешки с припасами валялись в беспорядке, их содержимое вывалилось и рассыпалось. Луч солнца, заглянувший сквозь дыру

в борту, сверкнул ярким бликом в зеленом стекле, вставленном в рукоять шпаги. «Блиставица» торчала из кучи зерна – она воткнулась в нее, когда корабль бросало волной.

Тихоня взял шпагу в руки. С оружием он чувствовал себя совсем по-другому. Из застенчивого кабинетного мальчика он превращался в воина, не знающего сомнений. В университетском фехтовальном клубе он считался одним из лучших учеников. Особенно хорошо у него получались выпады и парирования чужих ударов.

Он выбрался на свет, вцепился в обломанный бортик и оглядел ошеломленных стражников, беспомощно барахтающихся в песке.

– Куда вы дели мою Белянку? Что вы с ней сделали? – чуть не плача, воззвал к ним Тихоня.

Но ему никто не ответил. Все были настолько заняты своими ушибами, что не обращали на него внимания.

«Они хотели меня утопить, – подумалось Тихоскоку. – Они собирались сбросить меня в пучину с камнем на шее. А теперь копошатся в песке, как ни в чем не бывало, и им на меня наплевать. Вот поднимутся – и снова набросятся. А Белянка? Почему ее нет? Она утонула? Это они ее утопили! Даже если она утонула не от них, то все равно – без них не вышло бы этой беды. Они во всем виноваты!»

Он пришел в ярость от этих мыслей. Соскочив с палубы на песок, он бросился к первому попавшемуся стражнику, корчащемуся в грязи, наставил острие шпаги ему на грудь и

закричал:

– Куда ты дел мою Белянку? Отвечай, драный кот!

Стражник ошалело мотал головой, не понимая, чего хочет от него этот разъяренный тип с острой шпагой.

– Не ответишь – убью, как поганую мышь! – визжал Тихоскок. – Где девушка?

Стражник грузно осел на песок и попятился задом. Но Тихоскок не отпускал его. Он напирал и тыкал клинком ему в горло, визжа:

– Говори, не молчи!

Испуганный стражник попытался отвести от себя острие. Тихоскок заметил движение его руки и подумал, что тот собирается драться. Не помня себя от ярости, он всем телом налег на шпагу и всадил клинок ему в горло. Алая кровь брызнула на мокрый песок, заливая его темной лужей. Стражник упал на спину и забился в конвульсиях.

Тихоскок обернулся к оставшимся и крикнул:

– Что, думаете, если вас много и вы сильнее – то можно убивать, кого захотите? А если жертва окрысится? Что вы тогда будете делать?

И он принялся колоть всех, кто попадался ему на пути. Не успевшие прийти в себя после крушения стражники бросились врассыпную. Многие даже не поднимались на ноги – они так и кидались прочь на четвереньках, но Тихоскок не отпускал их. В пару прыжков он настигал удирающих и всаживал острие шпаги им в спины, в шеи, в зады. Охран-

ники визжали от боли и валились на гальку. Последний почти успел добежать до лесной опушки, но Тихоскок настиг его и заколол под высокой раскидистой пальмой, с которой свисали кокосы.

Ветер охлаждал его мокрую шерсть. Тихоскок огляделся. На песке в лужах крови валялись двенадцать убитых им стражников, некоторые еще продолжали корчиться в предсмертных судорогах. Ни Гнилозуба, ни Твердолоба, ни епископа Муровера среди них не было.

– Тихоня, ты с катушек слетел? – раздался растерянный голос у него за спиной.

Он обернулся. В трех шагах от него стоял Ветрогон. Пожилой шкипер выглядел удручающе: одна лапа его болезненно подогнулась, сырая шерсть стояла дыбом, а на лбу красовалась огромная шишка. Но больше всего Тихоскока поразило его взгляд: он был перепуганным и растерянным.

– Где Беянка? – не помня себя, подскочил к нему Тихоскок. – Где ты бросил ее?

– Я ее не бросал! – поднимая руки кверху, загомонил шкипер.

– Она утонула? Пропала? Ты видел, как это случилось? – орал Тихоскок, направляя на друга шпагу.

– Нет! Постой! Не убивай меня! – визжа от испуга, попятился Ветрогон. – С ней все в порядке. Она здесь. Ее выбросило на берег.

– Где она? – продолжал напирать на него Тихоскок, тыча

шпагой.

– Тихоня, я здесь! – послышался дрожащий голос.

Девушка стояла в десяти шагах от него и расширенными от ужаса глазами смотрела на происходящее. Тихоскок бросился к ней, схватил обеими руками и сжал в объятьях так, что у нее хрустнули кости. Беянка ойкнула и отстранилась.

– Что ты сделал? – слабо спросила она, глядя на валяющиеся повсюду тела.

– Они хотели убить нас, – невнятно пробормотал Тихоскок. – Они думали, что мы беззащитны. Пусть теперь знают. Так им и надо! Я им всем... я их...

Он опустился на песок, закрыл ладонями глаза и разрыдался. Беянка тихонько дотронулась до него и погладила его шерстку.

Глава 3. Дикий остров

– Не извольте беспокоиться, ваше высокородие! – бормотал Твердолоб, вытаскивая из воды жирную тушку магистра Гнилозуба. – Сейчас я вас спасу, и надеюсь, что вы этого не забудете, когда наступит пора платить премии...

Твердолоб оказался единственным из стражников, кто не сбросил с себя медную кирасу со шлемом. Правда, спасти алебарду не удалось и ему. Волна выбросила его на берег и жестко припечатала об обломок скалы, отчего на его доспехе осталась внушительная вмятина. Но сам он оказался цел, хотя бока ныли, а на жилистых лапах виднелись синяки.

Магистру Гнилозубу повезло меньше. Волна сначала выплюнула его на побережье, но затем утащила обратно, и теперь тело его колыхалось в пенистом прибое, а сам он не подавал признаков жизни. На его счастье, жирок не позволил ему утонуть.

Твердолоб выволок магистра на сушу, бросил на песок, как мешок с зерном, и принялся делать ему искусственное дыхание. Магистр пустил изо рта струйку, вздохнул и открыл глаза.

– Что это было? – с удивлением спросил он.

– Дракон на нас сильно обиделся, ваше высокородие, – подсказал охранник. – Вот и изволил пыхнуть ноздрей, от-

чего поднялась волна.

– Что за чушь? Дракона не существует. Это сказки, которыми епископ кормит городскую чернь, чтобы она лучше слушалась.

– Сказки это или нет, а кораблик наш разнесло на куски. Вон, если изволите видеть, его остов виден вдали. И на чем же мы поплывем домой? Боюсь, как бы не пришлось нам застрять на этом острове надолго.

– А где епископ? – спросил Гнилозуб, приподнимаясь и усаживаясь на песке.

– Почему же мне знать? – удивился Твердолоб. – Я ему не нянька. Авось, и его волной выбросит. Кому он там нужен, в пучине?

Прошел целый час, прежде чем посланный на поиски Муровера охранник радостно сообщил:

– Кажется, я нашел его святейшество!

В самом деле: в густых зарослях мелькала лиловая сутана.

– Муровер! Давай к нам! – заголосил Гнилозуб.

Однако епископ не только не приближался, но, наоборот, скрылся в кустах.

– Да куда же ты? – с досадой выкрикнул Гнилозуб и погнался за ним.

Лиловая сутана мелькала среди деревьев, но догнать ее оказалось делом непростым. У епископа как будто выросли новые ноги. Он так ловко перепрыгивал через овраги и оги-

бал заросли колючек, что не верилось, будто это и вправду он.

Твердолоб бросился ему наперерез. Увидев на опушке охранника в сияющей медной кирасе, беглец в лиловой сутане остановился и замер посреди поляны, заросшей ароматной земляникой.

– Да куда же ты так убегаешь, кот тебя подери! – запыхавшись, проговорил Гнилозуб.

От бега он ужасно взопрел. Пот градом катился по его толстым бокам. Магистр подбежал к Муроверу сзади, схватил его за плечи и развернул лицом к себе. Несколько мгновений магистр не мог произнести ни звука, а потом издал истошный вопль и со всех ног бросился наутек.

– Твердолобик, спаси меня! – голосил он на ходу. – В епископа вселился демон!

Ему было, отчего прийти в ужас: из-под надетой набедренки лиловой шапочки на магистра глянул оскаленный череп непривычно большого суслика. Под его выбеленными костями виднелась еще одна физиономия, густо поросшая черной шерстью и раскрашенная в воинственные цвета.

Под разорванной в клочья сутаной не было заметно сорочки, которую обычно носил Муровер. Вместо нее сквозь дыры проступало голое тело, украшенное загадочными узорами, выбритыми на подшерстке. В грубой лапе, покрытой заскорузлой кожей, незнакомец сжимал самодельное копьё с наконечником из заточенной рыбьей кости.

Увидев сверкающую кирасу, он издал дикий вопль, потряс над головой копьём и помчался к Твердолобу. Охранник по привычке поискал под рукой алебарду, но вспомнил, что она утонула, и, не стесняясь, дал деру. Всего в несколько прыжков он обогнал своего хозяина и оставил его позади.

– Твердолоб, кто это? – прокричал Гнилозуб, перед которым замелькала спина его стража.

– Не знаю, но уж точно не наш епископ! – на бегу выдохнул Твердолоб.

Они выбежали на берег и припустили вдоль кромки прибоя, оставляя на влажном песке глубокие следы своих лап. Незнакомец в порванной сутане пробежался за ними, но, увидев вдали остов разбитого корабля, остановился, подпрыгнул на одной ноге и гневно потряс им вслед самодельным копьём.

– Где демон? Он все еще гонится за нами? – в панике орал магистр, пытаясь протолкнуть свою толстую тушку в дыру, зиявшую в днище бригантины.

– Не извольте беспокоиться, ваше высокородие, – успокоил его Твердолоб. – Демон отстал.

– Это не демон, – послышался мрачный голос.

Из-за корабельного остова к ним вышел Муровер. Гнилозуб едва узнал его без привычной сутаны. На епископе осталась только льняная сорочка и короткие подштанники, завязанные ниже колен тесемками. Его лицо, которое магистр

привык видеть благостным и торжественным, на этот раз было перекошено от испуга.

– Это туземец из дикого племени островитян, – продолжил епископ. – Он подобрал мою сутану, выброшенную волной.

– Ваше святейшество! – с облегчением проговорил Гнилозуб. – Мы уж и не чаяли вас увидеть. Какое счастье, что вам удалось спастись!

– Мне удалось, а вот этим беднягам – нет, – сказал Муровер, показывая на мертвые тела, раскинувшиеся на песке по другую сторону от бригантины.

– Мои стражники! – завопил Твердолоб. – Они служили со мной много лет. Вот этот был отчаянным сорванцом. А тот – увальнем, каких мало. Что с ними случилось? Неужели они утонули?

– Они не утонули, – так же мрачно ответил епископ. – Посмотрите на эти раны в их спинах. След в виде маленького сердечка. Они заколоты шпагой, и боюсь, что знаю, какой именно.

– Куда делась ваша Блиставица, магистр? – спросил Твердолоб.

– Я бросил ее на корабле, – ответил Гнилозуб. – Думал, что она пошла ко дну.

– Как видно, не пошла, – заключил Муровер. – Теперь она в лапах этого злостного еретика. Как жаль, что мы не успели скормить его дракону!

– Ничего, я с ним еще поквитаюсь, – пообещал Твердолоб.

– Никаких «поквитаюсь»! – дрожащим голосом запретил Гнилозуб. – Мы на диком острове с бандой преступников и убийц, вооруженных самым опасным оружием, какое мне доводилось держать в руках. А в зарослях нас поджидают туземцы, и как знать, не едят ли они цивилизованных крыс так же, как мы едим птенцов, выпавших из гнезда. Приказываю возвращаться в город!

– Но на чем мы поплывем, ваше высокородие? – изумился охранник. – Корабль-то сломан!

– Твердолобик, родной мой, делай, что хочешь! – взмолился магистр. – Почини его, или сооруди плот из обломков, но только увези нас отсюда! У меня шерсть дыбом встает, когда я думаю, что мне придется провести ночь в этом кошмарном месте!

Солнце палило немилосердно. Вместо потерянной в волнах шляпки Белянка повязала на голову косынку из пестрого платка, но жесткие южные лучи безжалостно жгли ее белую кожу, и она поминутно принималась жаловаться:

– Я вся обгорю! Пойдемте скорее в тень!

– Опасно! Неизвестно, кого мы там встретим! – возражал ей Ветрогон.

Трое друзей во главе с опытным шкипером шагали вдоль кромки прибоя. Высокие волны обрушивались на берег и откатывались обратно, шипя пеной. Пару раз Ветрогон накло-

нялся и выуживал из мокрой прибрежной гальки обкатанные кусочки коричневого стекла, которые он тут же заботливо прятал в сумку, висевшую у него на поясе.

– Ох, не к добру попали мы на эти дикие берега! – с тоской сообщил шкипер. – Бывалые мореходы рассказывают о них всякие небылицы, уж и не знаю, чему верить, а чему – нет.

– А что рассказывают? – дрожащим голосом спросила Белянка.

– Говорят, будто тут обитает варварское племя аборигенов-крысоедов, – с готовностью принялся вещать Ветрогон. – Будто они ловят несчастных, выживших после кораблекрушения, и скармливают древнему демону, обитающему в развалинах языческого храма. Возглавляет это дикое племя огромная великанша, у которой изо рта полыхает пламя. Муж ее – не разумная крыса, как мы с вами, а сумасшедшее животное, страдающее бешенством и занимающееся разбоем.

– Уверен, что половина этих баек – пустые выдумки, – таким же дрожащим голосом, как у подруги, заявил Тихоскок.

– Даже если и выдумки, то второй половины нам хватит с лихвой, – откликнулся мореход.

– Ой, а кто это тарашится на нас из кустов? – испуганно пискнула Белянка.

– Из каких еще кустов? – недовольно отозвался Тихоскок.

– Да вон же, смотрите, в зарослях на вершине холма мелькают какие-то тени!

Ровный прибрежный пляж уходил в гору и упирался в подножие скалистых холмов, заросших густым кустарником. Над коричневыми колючками с фиолетовыми цветками высились мангровые деревья и раскидистые пальмы, переплетенные лианами. Казалось, что продраться сквозь эту чащу невозможно, однако и в ней бурно кипела жизнь: прыгали с ветки на ветку любопытные обезьяны, лениво обвивались вокруг сучьев анаконды и истошно орали разноцветные попугаи.

– Медуза-лампедуза! Я нюхом чую, что на нас кто-то зырит! – подтвердил Ветрогон.

– Тебе голову напекло! Это, наверное, макаки. Беги и лови их, если тебе не лень, – сказал Тихоскок.

Он до того устал, что едва волочил по песку обвисший хвост, и даже шевелить языком ему было не в состоянии.

– Нам нужно линять отсюда как можно быстрее, – продолжил Тихоня. – Ума не приложу, отчего в лагуне поднялась волна. Не дракон же ее пустил, в самом деле.

– Ты не веришь в дракона? – удивленно переспросил шкипер.

– У любого явления должна быть естественная причина, – откликнулся Тихоскок.

– Дракон – и есть естественная причина! – с неожиданным раздражением выкрикнул его друг. – Иначе я проиграл спор трактирщику Вислобрюху на сто золотых, и у меня нет надежды вернуться в мою тихую гавань.

– А на чем мы вернемся? – наивно спросила Белянка. – Нас заберет какой-нибудь проплывающий мимо кораблик?

Мужчины переглянулись и не нашлись, что ответить. Но Белянка не унималась. Она принялась дергать Тихоскока за руку и ныть:

– Тихоня, скажи: нас заберут отсюда?

– Вряд ли, – признался Тихоскок. – У этого места дурная слава. Никто по своей воле сюда не заплывает.

Белянка вспомнила, что с ними случилось, и умолкла.

– Вижу лодку! – радостно выкрикнул шкипер.

И вправду: далеко впереди покачивался на волнах двухвесельный ялик, смытый с разбитой бригантины. Ветрогон сорвался с места и полез в воду, но набежавшая волна опрокинула его и выбросила на берег. Он вскочил, выплюнул пену, и принялся выжимать свою красную бандану с белыми черепами.

– Бизань-дерезань, нам до него не добраться! – с отчаянием сказал он. – Ребята, из вас кто-нибудь плавать умеет?

– А что толку? – откликнулся Тихоскок. – К ялику нужны весла. А где их теперь найдешь?

За Белянкой было не уследить: она носилась по пляжу и то окуналась в воду, то принималась собирать раковины. Тихоскок нервно огляделся по сторонам, дернул усиками и строго велел ей:

– Не отходи от меня ни на шаг!

– Не беспокойся за меня, я уже взрослая, – обиженно отозвалась девушка.

– Если ты такая взрослая, то почему тебя постоянно нужно вытаскивать из неприятностей?

– Ах, так я для тебя – неприятность? – обиделась Белянка. – Вот значит, ты как? А я и не знала!

– Перестань дуться. Я едва на ногах стою. Мне сейчас не до тебя.

– Тебе всегда не до меня. Ты ведешь себя, как пасюк! – заявила девушка.

– Если я пасюк, то тогда ты – пасючка! – запальчиво выкрикнул Тихоскок.

Белянка возмущенно надула губки и принялась ныть:

– Ветрогон! Ветрогоша! А Тихоня меня называет пасючкой! Скажи ему!

– О, нет! Я в ваши ссоры лезть не собираюсь! – шарахнулся прочь Ветрогон.

Между двумя торчащими вверх скалами открылся проход, за которым расстилалась поляна, поросшая земляничкой. Сочные ягоды выглядывали из-под зеленых листьев и соблазняли своей ярко-красной свежестью.

– Ой, как мне хочется перекусить! – воскликнула Белянка и побежала к скалам.

– Постой! – резко выкрикнул Тихоскок. – Держись рядом! Рядом, я кому говорю!

Но девушка даже не думала его слушаться.

– Ты мне не хозяин! – с вызовом бросила она через плечо и исчезла в кустах.

– Ну что ты с ней будешь делать? Совсем от рук отбилась, – бессильно махнул на нее Тихоскок.

– Вы тут отдохните, придите в себя, – поморщился Ветрогон. – А я вернусь к бригантине, поищу весла. Может, нам еще повезет...

Шкипер неспешно побрел обратно, оставляя на мокром песке цепочку следов. Тихоня беспомощно огляделся вокруг и бросил в сторону шумного моря:

– Что ж вы оставили меня одного? Вот и верь после этого в дружбу и преданность!

Однако долго предаваться унынию ему не пришлось. Подводное течение прибило ялик совсем близко к берегу, хотя неровное дно уходило из-под ног так резко, что добрести до него все равно не удалось бы. Тихоня посмотрел на густые заросли, за которыми скрылась его подруга, потом взглянул вслед уходящему шкиперу, и начал сбрасывать с себя шейный платок, рубашку и испачканную безрукавку. В конце концов он остался в одних коротких бриджах, перетянутых ниже колен тесемкой, и напоследок воткнул в песок шпагу, которой особенно дорожил.

Вода в лагуне была теплой, как будто что-то грело ее изнутри. Он сделал несколько взмахов руками и поплыл, неумело взбивая вокруг себя тучу брызг. Однако до лодки оказалось не так близко, как ему виделось. Не доплыв до

нее нескольких ярдов, он повернул обратно и начал отчаянно бороться с волнами. Его то накрывало с головой, то выносило на поверхность. Он чувствовал, что сил не хватает, и уже начинал задыхаться, когда нащупал наконец дно кончиками нижних пальцев. На берег он выбрался на четвереньках и упал на песок, стараясь отдышаться. И тут его ждала новая неожиданность: рубашки, безрукавки и шпаги на берегу не было. Вокруг того места, где он их оставил, было натоптано, но, не будучи следопытом, он не мог сообразить, то ли это следы его ушедших друзей, еще недавно носившихся тут, то ли чьи-то чужие. Лишь его шелковый шейный платок одиноко трепыхался на ветру, зацепившись за сухую корягу. Тихоня подобрал его, повязал поверх тонкой цепочки с талисманом и тревожно дернул хвостом, сметая песок у себя за спиной. В окружающих зарослях царило бурное оживление, оттуда доносились крики птиц и тревожные шорохи.

Минуту он колебался, не отправиться ли за Белянкой, но потом вспомнил, что она его бросила, и пробормотал:

– А вот погуляй там одна! Испугаешься, и сама приползешь ко мне! Будет тебе урок!

За зарослями колючего кустарника с фиолетовыми цветами Белянке открылась просторная лощина, поросшая зеленой травой. На каждом шагу из-под травинок выглядывали красные ягоды, одна слаще другой. Со всех сторон лощина была сдавлена скалами, и в глубине ее возвышались пригор-

ки, скрывавшие от глаз ее дальний конец. Но Белянка не задумывалась над тем, что прячется за холмами. Изнывая от жары и жажды, она принялась срывать сладкие ягоды и отправлять их в рот, и так увлеклась этим занятием, что не заметила, как пролетел целый час.

От кустика к кустику, от травинки к травинке она пробралась в дальний конец лощины и перевалила через скалистую возвышенность, за которой ее взгляду предстало новое поле, еще более зеленое и манящее. Посреди поля росло одинокое дерево, у которого пасся дивный олень с раскидистыми рогами.

Белянка приблизилась. Олень не испугался – он продолжал щипать травку у подножия дерева, и девушка с удивлением заметила, что он привязан к стволу веревкой, а рога его украшены плетеным венком из тех же фиолетовых цветков, которыми были усеяны все окрестные склоны.

– Ах, какой ты красавчик! – умиленным голосом заговорила Белянка. – Наверное, пить хочешь? Кто же тебя так спутал?

Она развязала веревку, петлей затянутую на шее оленя, и хлопнула его по крупу, воскликнув:

– Давай, беги! Ты свободен!

Олень недоверчиво взглянул на нее, резко скакнул и помчался к выходу из лощины, сбрасывая с рогов остатки венка с фиолетовыми цветами. Белянка рассмеялась от удовольствия и присела под дерево отдохнуть в тени. Неожиданно

из-за толстого ствола послышалось раскатистое всхрапывание.

Девушка осторожно высунулась и увидела, что с той стороны к потрескавшейся коре привалилась фигура в лиловой сутане, сжимающая в руках знакомый всему Крысиному гнезду посох с серебряным навершием в виде кусающейся головы. Тип в лиловой сутане дремал и беззаботно похрапывал.

– Муровер! – сторяча взвизгнула девушка. – Это ты собирался венчать меня с этим толстым Гнилозубом? Это ты приговорил всех нас к утоплению в Темной бездне? Да как ты после этого можешь вот так вот спокойно лежать и похрапывать?

Она вырвала посох из его рук и изо всех сил принялась колотить тяжелым серебряным навершием по бокам спящего. Тот заворочался, повернулся к ней и удивленно раскрыл глаза. Белянка, как раз замахнувшаяся, чтобы двинуть его по голове со всего размаха, удивленно вскрикнула и замерла.

Под неумело натянутой лиловой шапочкой красовался выбеленный солнцем череп огромного суслика. Из-под костяного оскала на нее глядело незнакомое лицо, поросшее густой черной шерстью. Нестриженные усы топорщились и торчали, как будто хозяин ни разу в жизни их не расчесывал. Воинственные узоры, намалеванные самодельными белилами, покрывали не только лицо, но и голое тело, видневшееся под сутаной.

– Ты кто такой? – ничего не понимая, воскликнула девушка.

– А-ой! – увидев белую крысу, завопил незнакомец.

Белянка кинула в него посохом и бросилась наутек. Незнакомец на лету подхватил тяжелую серебряную голову и пустился за ней. Выбежав из-за дерева, он заметил болтающуюся по земле веревку с распущенной петлей на конце, и издал горестный вопль.

На этот вопль откликнулись такие же голоса в зарослях, которыми были густо покрыты окрестные склоны. Из кустов и перелесков начали выскакивать черношерстые крысы. Вместо тканых бриджей, сорочек и камзолов тела их были прикрыты одними набедренными повязками, а на головах вместо шляп красовались плетенки, похожие на смешные раскрашенные конусы. В руках они сжимали дубинки и копья с наконечниками из рыбьих костей.

Горы в один миг покрылись несущимися черными точками, которые со всех сторон окружали Белянку. Увидев их, она побежала к выходу из лощины, но у нее на пути возникла фигура могучей и толстой аборигенки, чье обвислое брюхо переваливалось через плетёный пояс. В зубах воительница сжимала деревянную курительную трубку, попыхивающую огоньком. Белянка налетела на нее и со всего размаха хлопнулась о ее безразмерный живот.

– А-ой! От нас не убежишь, будь ты хоть диким опоссумом! – захохотала аборигенка, протягивая к ней когтистые

лапы.

Ее голос был хриплым, а слова она выговаривала со смешным акцентом, делавшим ее речь едва понятной. Беянка шлепнулась на траву и вскочила, но было уже поздно. Десятки лап тянулись к ней со всех сторон. В мгновение ока она оказалась спутанной по рукам и ногам. Вырваться было бесполезно: ее держали так крепко, что она едва могла шелохнуться.

– А где наш олень, которого мы собирались принести в жертву летучему упырю? – с изумлением спросила аборигенка, выпустив из пасти целое облако дыма.

– Она его отвязала и прогнала! – выкрикнул раскрашенный тип в лиловой сутане.

Толпа туземцев разразилась возмущенными воплями. Беянку начали тормошить, причиняя ей боль.

– Тише! Не рвите ее на куски! Это вам не печеный тапир, – распорядилась толстая воительница. – Нынешней ночью упырь прилетит в наш поселок. Ему все равно, из кого сосать кровь. Если он не найдет жертвы, то примется за нас. Эта чужестранка помешала нам от него откупиться. По заведенному обычаю она сама пойдет на корм демону-кровопийце!

Толпа туземцев издала торжествующий крик.

Упругие и тугие лианы извивались, как длинные змеи. Чтобы сплести из них отдаленное подобие веревки, Тихоне

пришлось разодрать кожу на пальцах и обломать пару когтей. Зато теперь он мог накинуть эту веревку на нос ялика и подтянуть его к берегу.

Пока он возился, по мокрому песку у него за спиной пробежало черное существо, бултыхнулось в воду и в несколько взмахов добралось до ладьи. Тихоскок замер, наострил ушки и насторожился. Однако ничего подозрительного вокруг себя не увидел: все так же колыхались пальмы под порывами жаркого южного ветра, все так же нещадно палило солнце, и все так же шумел прибой, окатывая берег пеной. Подобравшись к пенистой кромке воды, он заметил следы задних лап с длинными коготками.

– Ничего себе, это у меня когти так отрасли? – сказал он вслух. – Давненько я их не стриг!

Он разбежался и лихо метнул петлю в сторону покачивающейся на волнах ладьи, но тяжелая лиана не пролетела и половину пути. Он повторил попытку, и снова с тем же результатом.

– Деваться некуда, опять придется лезть в воду! – пробормотал он, взял петлю в зубы и поплыл.

Ему пришлось как следует побарахтаться, прежде чем удалось вцепиться в борт ялика. Он подтянулся на руках и полез внутрь. Неожиданно со дна приподнялось неведомое существо, покрытое черной шерстью. В лицо ему глянула страшная рожа, раскрашенная боевыми узорами.

От неожиданности Тихоня отшатнулся и плюхнулся об-

ратно в лагуну. Вода залила ему глаза, и он начал тонуть.

– Сила дня, сила ночи! – завопил он, выплевывая соленую воду. – Помоги мне!

Чьи-то цепкие лапы подхватили его и потянули к берегу.

Ветрогону пришлось излазить все побережье, прежде чем он отыскал весла, выброшенные волнами на прибрежную гальку. На его счастье, оба весла оказались целы – с них пришлось только счистить тину и водоросли. Водрузив их на плечо, мореход направился к остову разбитой бригантины, весело напевая под нос:

Я под парусом черным проплыл сто морей
Эй, трактирщик, покрепче мне пошла налей!
Я давно не бывал на твоём берегу.
О драконах и бурях спою, как смогу.

Мертвых стражников у корабля было не видно. Там, где они лежали раньше, виднелась свежевырытая могила, над которой вместо надгробия был установлен сломанный штурвал. Колыхался траурный белый флажок с черной лентой, поднятый над обломком мачты, воткнутой в песок.

Сквозь дыру в борту бригантины доносилась возня. Ветрогон спрятался за корму и перевязал потуже бандану с белыми черепами, чтобы она не слетела в самый неподходящий момент.

Из трюма на палубу выбрался здоровенный крысомуж в сияющей медной кирасе. Он с трудом поднял сорванную волной пушку и принялся устанавливать ее на борту. Дело давалось ему непросто: корабль перекосялся, и палуба сильно накренилась, так что передвигаться по ней приходилось, цепляясь за остатки рангоута.

Вслед за пушкой крыс в кирасе поднял на палубу несколько ядер и мешок с порохом. Ветрогон тихонько вскарабкался по корме и подтянул за собой весло.

Удержаться на наклонной поверхности оказалось непросто, шкипер шлепнулся и заскользил вниз по палубе. Кирасир удивленно поднял голову и зашевелил холеными усиками. Его гладкая бурая шерсть встала дыбом, и он ошетинился.

– Твердолоб, отойди от пушки! – завопил шкипер, съезжая прямо к нему по наклону.

– Еще чего! – грубо ответил тот, и принялся совать ядро в черное жерло.

Ветрогон налетел на него и со всего размаха въехал пятой охраннику в грудь. Медная кираса выдержала удар, однако сам начальник стражи не удержался и кубарем покатился вниз, к зарывшемуся в песок носу корабля.

– Ах, ты так? – взревел он, и начал карабкаться обратно.

Но Ветрогон ловко двинул его веслом по голове, отчего медный шлем издал жалобный звон. Твердолоб снова скатился по палубе и дал деру. А мореход деловито принялся

закреплять пушку и засыпать в нее порох.

Он как раз заталкивал в жерло ядро мокрым шомполом, когда начальник стражи вернулся, и не один. Из-за его красоты, пускающей солнечные зайчики, выглядывал Гнилозуб. Черные глазки магистра испуганно бегали по сторонам, а обвислые усики нервно дергались. За толстый бок Гнилозуба придерживался еще один крысомуж в рваной льняной сорочке и коротких подштанниках.

– Бизань-дерезань! – расхохотался мореход. – Какое важное начальство пожаловало! Магистр, ваш авторитет, как и туша, весит больше всего городского правления. А кто это прячется за ваши трясущиеся бока? Неужели его святейшество? Епископ, вас не узнать без сутаны и посоха. Где вы их потеряли?

– Зря издеваешься, изгой! – со злостью взвизгнул Гнилозуб. – Именем магистрата Крысиного гнезда приказываю тебе сдаться, иначе ты будешь объявлен мятежником и пиратом!

– Так вы уже приговорили меня к утоплению, и без всякого магистрата! – ответил мореход, разворачивая жерло пушки в их сторону. – В ваших лапах закон – что дышло, куда хотите, туда и воротите.

– Я десять лет был судьей, и знаю закон! – возразил Гнилозуб.

– А где проходило заседание твоего суда? – не на шутку рассердившись, выкрикнул Ветрогон. – Кто был моим адво-

катом, и какое решение вынесли присяжные?

Гнилозуб раскрыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов и захлопнул челюсти, щелкнув зубами. Вместо него заговорил Муровер. Голос епископа был тягучим и вкрадчивым:

– Ветрогоша, не вспоминай об обидах. Восемь мудрых всем нам шлют и радости, и печали. Лучше подумай о будущем. Как ты будешь жить дальше с обвинениями в пиратстве? До конца твоих дней над тобой будет висеть угроза ареста и казни. Загладь вину: отвези нас домой, в Крысиное гнездо, и я отпущу тебе все грехи! Ты ведь знаешь, что это в моей власти!

– А в моей власти пальнуть в вас из пушки! – огрызнулся Ветрогон.

– Да что с ним разговаривать? В атаку! За мной! – не выдержал Твердолоб и полез по палубе вверх.

Гнилозуб и Муровер устремились за ним. Однако толстый магистр едва мог приподнять свою тушу, а епископ не торопился в драку, оставляя ее начальнику стражи. Но Твердолоб и один был опасным противником. Он подбирался все ближе и ближе, а Ветрогон все никак не мог высечь искру отсыревшим огнивом.

Твердолоб уже поднялся перед ним во весь рост и воздел лапы вверх, чтобы наброситься всей своей массой. И только тут Ветрогону удалось наконец поджечь порох. Из жерла пушки вылетело облако сизого дыма. Раздался оглушительный хлопок, кирасир опрокинулся на спину и засколь-

зил по палубе вниз, считая по дороге магистра с епископом. Все трое, несколько раз перекувыркнувшись, перелетели через нос бригантины и зарылись в песок.

Из жерла пушки выпало черное ядро, с грохотом ударилось о деревянную палубу и покатилося вниз, прямо к ним.

– Сейчас нас накроет! – визгливо вскрикнул Гнилозуб, привстал на четвереньки и бросился наутек.

Епископ, не оборачиваясь, припустил за ним.

– Отставить бегство! – попытался остановить их охранник. – Вы что, не видите? Выстрела не было! Порох сырой!

Но магистр с епископом его даже не слушали. Помедлив немного, Твердолоб обернулся к шкиперу, погрозил кулаком и сказал:

– Я с тобой еще поквитаюсь!

И не дожидаясь ответа, трусцой побежал за своими товарищами.

Первый раз в жизни Белянку несли на руках. Сначала она вырывалась и даже пыталась кусаться, но когда за лесистым холмом показался поселок, состоящий из нескольких десятков хижин, она успокоилась.

На пыльной площади перед самой большой хижинкой, украшенной гирляндами листьев, ей устроили настоящее чествование. На голову вместо помятой косынки возложили пышный венок из фиолетовых цветов. Белую шерстку натерли растительным маслом, от которого исходил пряный аро-

мат.

– Вы что, принимаете меня за богиню? – пискнула девушка. – Наверное, вы никогда раньше не видели альбиносок? Но у нас в Крысином Гнезде все горожане ходят с шерсткой разного цвета: у кого-то она светлая, у кого-то темная.

– Тебе будет оказана великая честь, – заверила ее толстая туземка с курительной трубкой во рту.

Незнакомец в епископской сутане приблизился и запустил лапы в густую черную шерсть своей подруги. Предводительница туземцев заржала, как лошадь, и ловко щелкнула его по костяному черепу, сбив набок лиловую шапочку.

– Это Неистовый Сусл, мой муж, – сказала воительница. – Он отведет тебя в обитель великих Предков.

– Я встречусь с предками? – испуганно пропищала Белянка.

– Самих предков ты не увидишь, – заверила ее предводительница. – Они ушли жить под воду. На суше остался только их древний храм. Но и в нем тебя ждут такие встречи, которых ты не забудешь.

Воины племени дружно расхохотались. Они тут же затеяли зажигательную пляску и запели:

– Спасибо Огненной Глотке за то, что нашла нам новую чужестранку! А-ой! Теперь крылатый упырь не рассердится и не прилетит, чтобы высосать нашу кровь!

Толстая туземка довольно улыбалась и попыхивала трубкой. Ее муж неловко взмахнул широким епископским рука-

вом, и Белянку снова подхватили на руки и понесли из поселка.

Тропинка в джунглях заросла травой – как видно, пользовались ей нечасто. Заросли расступились, и Белянка увидела сооружение, какого не могла даже вообразить. Перед ее глазами уходила ввысь огромная пирамида, сложенная из гладко отесанных камней. По тому, какими ветхими выглядели ее склоны, как они заросли многолетними мхами, какими выщербленными и оббитыми были тяжелые камни, можно было понять, что построена она была в незапамятные времена.

Оказавшись вблизи этого гигантского сооружения, туземцы притихли. Они перестали петь и плясать, и даже Огненная Глотка опасливо выбила свою трубку, прекратив пускать дым изо рта.

Белянку опустили на ноги посреди площади, вымощенной гладкими плитами. В ее середине высился обелиск, вокруг которого широким кольцом были разложены каменные изображения знаков зодиака. Тень от солнца срывалась с острой верхушки обелиска и падала на эти знаки, медленно переползая с одного на другой.

– Это солнечные часы? – удивилась Белянка. – Кто их построил?

– Никто не строил, – ответила Огненная Глотка, пыхнув трубкой. – Они тут были всегда.

Белянку подвели к высокой каменной арке, тяжелые своды которой утопали в темноте. Неистовый Сусл подтолкнул ее посохом в длинный коридор, уводящий в глубину пирамиды.

– Ступай, белая няшка! Кое-кто тебя там уже ждет! – скривившись в улыбке, велел он.

– Кто меня может там ждать? – с любопытством спросила Белянка.

Все затихли и смотрели на нее с ожиданием.

– Ну ладно, ради вас я пройду! – заявила Белянка, и пошла по дорожке, изящно ставя ножку, чтобы показать этим дикарям, какой красивой бывает походка у цивилизованных крыс.

Со всех сторон ее окутал пещерный мрак. В глубине пирамиды было сыро и холодно. Неожиданно камни у нее под ногами разъехались в стороны, и она провалилась вниз, в непроглядную тьму. Кубарем прокатившись по крутым ступеням, она уткнулась носом в сырой мох, покрывший жесткий пол. Каменные створки над ее головой снова сомкнулись, скрыв последние отблески света.

– Где я? Куда вы меня бросили? – возмущенно заголосила она.

Однако радостное улюлюканье туземцев до нее уже не доносилось. Белянка метнулась в угол темного каменного мешка, в котором она очутилась. Откуда-то из темноты доносился звук падающих в лужу капель. Пахло затхлой плесенью и

застоявшимся перегноем. Белянка зашевелила усиками, пытаясь нащупать дорогу, но едва она сделала шаг, как под ногой что-то хрустнуло. Она пошарила по полу ладонью и обнаружила чей-то череп с обглоданными костями.

– Выпустите меня! – жалобно заголосила она. – Что я вам сделала? За что вы так со мной?

Но ей никто не отвечал. Дикари удалились, их песен и хохота больше не было слышно. Белянка съежилась, забилась в угол и от беспомощности разрыдалась.

Глава 4. Дымчатая рысь

– Нужно было показать этому пирату в бандане, кто в море хозяин! – громко сетовал Гнилозуб, продираясь сквозь заросли шипастых цветов. – Твердолоб, почему ты не осадил его? У тебя же кираса! Что он тебе сделает?

– Он стрелял в меня из пушки, – нехотя ответил охранник. – Устав не велит подставляться.

– С сырым порохом много не настреляешь! – не унимался магистр. – Чудо, что пушка не утонула. Нам нужно сматывать удочки поскорее. Этот остров не для цивилизованных горожан, как мы с вами. Чую, нас тут живьем сожрут. Посмотрите, какие вокруг хищники! Так и рыскают. Тут и птицы, и змеи. И на помощь звать некого – местные аборигены еще страшнее зверей.

– Наш бургомистр совсем мышей не ловит, – заметил епископ, плетущийся в самом хвосте. – И пиратов расплодил, и за черню не следит. Если за нами наблюдают Восемь Мудрых, то они его не одобряют. Нам давно нужен другой правитель. Порешительнее и пожестче.

Гнилозуб наострил ушки, но не показал, что ему интересно.

– Пиратов искоренить – раз, – начал перечислять Муровер. – Чернь приструнить – два. И закрыть наконец этот

омерзительный университет, этот рассадник безнравственности и вольнодумства – три.

– Я бы вас поддержал, ваше святейшество, – тут же откликнулся Гнилозуб. – От студентов одни неприятности. Но что поделать – им благоволит бургомистр. Не заменив его, мы ничего не добьемся.

– Истину молвите, чадо мое! – с энтузиазмом начал размахивать оборванными рукавами Муровер. – Городом должен управлять кто-нибудь понадежней. Допустим, Верховный Магистр. Или еще лучше – Деспот. Кто еще осмелится запретить горожанам их разнузданные песни и пляски? Кто еще прикроет их злонамеренные театральные постановки, в которых они насмеются над отцами Гнезда? Будьте уверены, магистр – если вы захотите стать Верховным Деспотом, то Святая Инквизиция окажется на вашей стороне.

Они оба остановились, переглянулись хитрыми бегающими глазками и одновременно уставились на Твердолоба. Охранник смущенно покашлял в кулак и потер усы.

– Но ведь такая диспозиция, вроде как, не по уставу? – нерешительно спросил он.

– А ты, друг мой, не хочешь стать генералом? – вкрадчиво произнес магистр. – К такому чину полагается загородное поместье и персональная пенсия по выслуге лет.

– Поместье? Наконец-то! – гаркнул охранник. – Я давно мечтал зажить барином. Да и генеральское жалованье мне не помешает.

– И ты думаешь, Серобок тебе все это даст? – с неподражаемым сарказмом спросил Гнилозуб.

– От этого болтуна не дождешься... – протянул Твердолоб.

– А вот я – дам! Конечно, если займу высший пост, – заверил магистр.

Кирасир задумчиво натянул ус на палец и покрутил его.

Под вывороченным корнем пальмы, поваленной ураганом, устроила для своих котят логово дымчатая рысь. Котят было трое, они тянули вверх свои подслеповатые мордочки и постоянно пищали, требуя еды. Однако с добычей на острове было туго: жирные копибары в мелких ручьях почти перевелись, макаки на ветках принимались истошно орать при малейшем колыхании листвы, а птицы вспархивали, едва заведев вдалеке хищника. Матери приходилось часами караулить жертву у тропинки в джунглях, ведущей к заброшенной пирамиде. Ее пятнистые бока сливались с буйной растительностью и терялись среди сплетения ветвей и листьев, кисточки на ушах, похожие на пушистые цветки, подрагивали при каждом шорохе, а большие глаза с круглыми зрачками замирали каждый раз, когда на земле становилось заметно хоть какое-то движение.

На этот раз рыси повезло: по тропе на нее надвигались сразу три жертвы, да еще такие, о каких можно только мечтать. Они вели себя неосторожно, громко хрустели ветвями

и подавали голоса, не скрываясь, так что почуять их можно было издалека. Особенно привлекательным казался толстый бурый грызун, от которого пахло сыром, копченой грудинкой и жареным салом. Он едва переставлял задние лапы, тяжело дышал и поминутно стирал со лба пот. Еще один экземпляр в болтающихся подштанниках и рваной льняной рубахе показался охотнице слишком тощим, а на третьем и вовсе виднелась какая-то броня, подозрительно поблескивающая под лучами солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.